

СТАТЬИ

А. Г. МАНЬКОВ

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ПАЛАТЕ ОБ УЛОЖЕНИИ 1700 г.

За вторую половину XVII в. по отдельным приказам накопилось значительное количество указов, приговоров, наказов и грамот, которые значительно развивали и дополняли Уложение 1649 г. Разбросанность законодательного материала по фондам многих учреждений XVII в. безусловно затрудняет его изучение в настоящее время. Тем большие затруднения создавала такая распыленность указов по многим приказам для практического использования законов в XVII в.

Остается только примкнуть к мнению историков, изучавших деятельность Палаты об Уложении 1700 г., которые в неупорядоченном состоянии и распыленности законодательного материала во второй половине XVII в. видели причину составления нового Уложения.¹

Однако, как ни справедливо это мнение, его одного недостаточно для понимания действительных причин, побудивших правительство Петра I приступить в 1700 г. к составлению нового Уложения. Сами члены Палаты в объяснение причин возложенного на них поручения ссылались прежде всего на новые явления общественной жизни. В проекте манифеста, который должен был возвестить о принятии нового Уложения и который Палата составила в разгар своей кодификационной и законодательной деятельности в июле или августе 1701 г., говорилось, что великому государю из совещаний с Боярской думой и Освященным собором и из челобитий «священного и мирского всяких чинов людей» стало известно о возросшей дерзости раскольников, о неправде в судах, о возросшем числе преступлений: «в людех между себя умножилась нелюбовь и ссоры и не-

¹ М. М. Богословский. Петр I, т. IV, [М.], 1948, стр. 192—193; Д. Поленов. Материалы для истории русского законодательства, вып. I. Палата о Уложении. СПб., 1865, стр. 1.

милосердия, и обиды, и драки великие, и бои, разбои, татбы и кражи».² Не трудно видеть, что за этой официальной оценкой положения дел, не лишенной религиозно-этической окраски, скрываются большие общественно-политические события. Успившаяся во второй половине XVII в. классовая борьба крестьян и посадских людей обрела весьма разнообразные формы — начиная с массовых побегов от помещиков и вотчинников, нередко сопровождавшихся разгромом имущества и убийствами феодалов, через локальные восстания в уездах и городах³ до крупнейшей крестьянской войны под предводительством Степана Разина. Подавление восстания Разина привело к усилению социального протеста низов против феодального гнета в присущей средневековой религиозной оболочке раскола. Значительная часть посадских людей и крестьян отошла от официальной церкви и стала на путь борьбы с нею.

Указанные события делали недостаточным в глазах правительства существующее законодательство. Распыленность указов и других законодательных актов лишала возможности быстро и оперативно использовать закон в интересах господствующего класса. С другой стороны, в усложнившейся обстановке общественной жизни существующее законодательство, хотя оно и не стояло на месте, отвечало все же не на все запросы жизни. Со всей суммой указанных обстоятельств и была связана необходимость выработки нового Уложения.

Указом Петра от 18 февраля 1700 г. была учреждена так называемая Палата об Уложении.⁴ В задачу Палаты входило составить новое Уложение на основании Уложения 1649 г. и новоуказанных статей. Этим же указом определялся состав Палаты.

Всего, не считая канцелярского аппарата, в Палату входило до 65 человек: 12 думных чинов (трое бояр, трое окольных, трое думных дворян и трое думных дяков), 50 стольников, трое дворян. Канцелярский аппарат состоял из 6 дяков и 45 прикомандированных к Палате приказных подьячих, из которых старших подьячих было 17 и младших — 28 человек.⁵

² Н. А. Воскресенский. Законодательные акты Петра I, т. I. М.—Л., 1945, стр. 30—33.

³ Включая сюда стрелецкие восстания 80—90-х годов, к которым неизбежно примыкали широкие слои посадских людей и холопов.

⁴ Н. В. Калачов. Материалы для сводного Уложения 1701 года. Архив исторических и практических сведений, кн. 5, СПб., 1863, стр. 45—46.

⁵ Организация работы и личный состав Палаты подробно изучены М. М. Богословским (ук. соч., стр. 195—218; см. также: Д. Поленов, ук. соч.).

Во главе Палаты были поставлены трое бояр из думных чинов — князя И. Б. Троекуров, М. Г. Ромодановский и М. Н. Львов, имевшие в прошлом близкое отношение к законодательной и судейской деятельности по поместно-вотчинным и крестьянским делам. Первоприсутствующим, иначе говоря председателем на заседаниях Палаты, был И. Б. Троекуров.⁶

Что касается остальных думных чинов, участвовавших в Палате (окольничих, думных дворян и думных дьяков), то следует подчеркнуть, что каждый из них вкладывал свой опыт административной, судебной и приказной деятельности в разработку соответствующих разделов нового Уложения.⁷

Палата об Уложении состояла, таким образом, из бояр и дворян, т. е. из представителей крупного вотчинного землевладения, игравших руководящую роль в Палате, и представителей среднего вотчинного и поместного землевладения преимущественно центральных уездов государства и самой столицы.

Все законодательные материалы, поступившие из приказов, Палата распределила между старшими подьячими. Подьячим было вменено в обязанность разнести указы по главам и статьям Уложения и таким путем подготовить материал для рассмотрения в Палате.

Подготовка XI главы Уложения (о крестьянах) наряду с главами X (о суде), XIV (о крестном целовании) и XV («О вершенных делах») была возложена на старших подьячих Ивана Страхова из Московского судного и Леонтия Вацкого из Дворцового судного приказов.

Работу по выработке нового Уложения Палата начала с 1 марта 1700 г. Слушание и обсуждение материалов в основном шло в порядке следования глав Уложения, однако имели место частичные отступления от этого правила. М. М. Богословский делит все заседания Палаты на три чтения глав Уложения 1649 г. и отнесенных к ним новоуказных статей и устанавливает, что наиболее продолжительным было первое чтение, протекавшее с 1 марта 1700 г. по 13 октября 1701 г. и занявшее 128 заседаний. Менее продолжительным было второе чтение. Оно длилось год с большими перерывами и заняло 58 заседаний. Наиболее быстро проходило третье чтение — в течение 3 недель в 5 заседаниях Палата рассмотрела первые десять глав (X главу не полностью). Как можно судить на основании дневника заседаний Палаты, сохранившегося в ее архиве, работа

⁶ М. М. Богословский, ук. соч., стр. 195—199; С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII века. М.—Л., 1946, стр. 125, 126, 187.

⁷ Данные о прохождении ими службы см. у М. М. Богословского, ук. соч., стр. 196—201.

Палаты прекратилась 14 ноября 1703 г. Составление нового Уложения полностью, видимо, не было осуществлено.⁸

Важнейшим вопросом внутренней политики Петровского времени был крестьянский вопрос. Этим объясняется большее внимание Палаты к XI главе Уложения 1649 г.

XI главу Уложения и разнесенные по ее статьям новоуказные материалы Палата обсуждала трижды.⁹ В итоге такого рассмотрения возник проект новой XI главы, получившей свое членение на статьи и свой характерный заголовок: «Глава 11. По допросом против крепостей Расправа о крестьянех, а в ней 48 статей».

В дальнейшем этот проект свода законов о крестьянах на рубеже XVII—XVIII вв. мы будем для краткости и удобства именовать условно Расправой, поскольку речь в новой XI главе идет о расправе (суде) над крестьянами.¹⁰

В архиве Палаты, сохранившемся далеко не в полном виде, тексту новей XI главы (Расправе) предшествуют материалы первого и второго чтений в Палате XI главы Уложения 1649 г. и отнесенных к ней новоуказных статей.¹¹ Значение этих материалов состоит в том, что они дают возможность детально проследить сложный процесс выработки в Палате новой XI главы.¹² Сличение окончательной редакции Расправы с материалами первого и второго чтений показывает, что этой редакцией предшествовал текст третьего чтения XI главы 1649 г., который в фонде Палаты не сохранился. В результате обеления текста именно третьего чтения появился цельный, органически

⁸ М. М. Богословский придерживается того мнения, что новое Уложение было составлено, но по каким-то причинам не было утверждено правительством Петра (см.: М. М. Богословский, ук. соч., стр. 240, 241). Д. Поленов также полагал, что Палата «выполнила порученное ей дело» (Д. Поленов, ук. соч., стр. 58). С. Н. Валк допускает возможность того, что Уложение Палатой не было завершено (см.: С. Н. Валк. «„Суд о крестьянех“ в Палате об Уложении 1700 г.», сб. «Академику Борису Дмитриевичу Грекову», М., 1952, стр. 234).

⁹ Подробности рассмотрения первых двух чтений XI главы Уложения в Палате см.: С. Н. Валк, ук. соч., стр. 234—240; А. Г. Маньков. К истории выработки законодательства о крестьянах на рубеже XVII и XVIII вв. Археографический ежегодник за 1958 г., М., 1960, стр. 350—358.

¹⁰ Текст Расправы см.: А. Г. Маньков, ук. соч., стр. 359—373. В дальнейшем все цитаты из Расправы и ссылки на ее статьи будут даны по этому изданию.

¹¹ ЦГИАЛ, фонд Палаты об Уложении 1700 г., ф. 1255, № 6, ч. II. — Материалы первого чтения ст. ст. 1—7 имеются на лл. 60—70 и ст. ст. 8—10 и 12—20 — на лл. 102—112 об. Часть материалов ст. ст. 10 и 11 находится на лл. 99—100 об. Материалы второго чтения ст. ст. 1—31 — на лл. 1—50; ст. 32 — на л. 51 и ст. ст. 33 и 34 — на л. 118. Текст Расправы в том же фонде, № 7, лл. 9—27.

¹² А. Г. Маньков, ук. соч., стр. 350—386.

спаянный текст Расправы, на полях которого была нанесена новая сетка статей в количестве 48.

До последнего времени Расправа не была известна исследователям и потому не могла быть предметом исторического анализа. В недавнем прошлом появилась небольшая статья С. Н. Валка, в которой автор подверг исследованию основные вопросы обсуждения в Палате XI главы Уложения 1649 г.¹³ Статья С. Н. Валка, единственная в литературе по этому вопросу, содержит ряд ценных и очень важных наблюдений, необходимых для уяснения хода обсуждения крестьянского вопроса в Палате. С. Н. Валк, однако, сосредоточил внимание лишь на материалах первого и второго обсуждений главы, не затронув готового проекта главы — самой Расправы.

Наша статья представляет собой первый опыт анализа Расправы и мы далеки от мысли дать здесь вполне развернутую и исчерпывающую ее характеристику. Для этого прежде всего не нагрел момент. Нужны новые усилия многих историков крестьянства и права второй половины XVII и по крайней мере первой четверти XVIII в., чтобы дать полную оценку результатам работы Палаты об Уложении по крестьянскому вопросу.

В основу Расправы Палата положила прежде всего важнейшие законодательные нормы Уложения 1649 г., хотя и подвергла его XI главу значительным поправкам и дополнениям. Включение ст. ст. 1, 2, 9 и 11, XI главы Уложения 1649 г. в ст. ст. 1, 6, 15 и 21 Расправы означало сохранение и закрепление принципа сыска беглых крестьян и бобылей «без урочных лет».

Основную часть ст. 1 Расправы составляет ст. 1 XI главы 1649 г. Последняя отменяла урочные годы в отношении сыска крестьян, которые, будучи записаны за дворцом в писцовых книгах 1626 г., бежали из дворцовых сел и деревень до Уложения 1649 г. Включение в Расправу этой статьи как и аналогичной ей ст. 2 XI главы 1649 г., в которой говорится о сыске беглых поместных и вотчинных крестьян, резко меняло хронологические рамки, на которые распространялось действие этих статей. Отныне под их действие должны были попасть крестьяне, занесенные в книги 1626 г. и бежавшие от своих владельцев вплоть до конца XVII в.

К тексту ст. 1 XI главы 1649 г. в Расправе дано добавление: «Также и по переписным старым и новым книгам дворцовых крестьян и бобылей сыскивать и из-за помещиков и из-за вотчинников вывозить на старые их жеребьи». Его источником

¹³ С. Н. Валк, ук. соч., стр. 232—240.

служит одна из статей о беглых в писцовом Наказе 1682 г.¹⁴ Такое дополнение, сделанное Палатой, закрепляло значение юридического основания сыска и возврата беглых, по аналогии с писцовыми книгами 1626 г., за последующими (после Уложения 1649 г.) описаниями земель, включая переписные книги 1678 г. Вместе с тем такое добавление перебрасывало мостик от ст. 1 Расправы к ее ст. ст. 6, 15 и 21, которые содержат упоминания писцовых, переписных, отдельных и отказных книг, как основания прикрепления крестьян и возвращения беглецов, связывая эти статьи в один комплекс, закрепляющий бессрочный сыск беглых крестьян и холопов.

Статья 6 Расправы начинается с текста ст. 2 XI главы Уложения, которая касается сыска поместно-вотчинных крестьян, записанных в писцовые книги 1626 г. и безжавших до Уложения.

Вслед за Уложением вопрос о сыске государевых дворцовых и черносошных крестьян Расправа ставит на первое место. Однако, если в XI главе Уложения 1649 г. сыску государевых крестьян посвящена полностью лишь одна — 1-я статья, а в некоторых последующих статьях государевы крестьяне упоминаются наряду с частновладельческими, то в Расправе прикреплению, сыску и возврату беглых государевых крестьян посвящено полностью уже пять статей. Само по себе это обстоятельство говорит о заметных изменениях в правовом положении черносошных и дворцовых крестьян за вторую половину XVII в. Мы не ошибемся, если в усилении внимания к государственным крестьянам усмотрим и заметное возвышение феодального государства, которое выступает в роли первого крепостника в стране, озабоченного ограждением прежде всего своих прав на крестьян. Но так как существенных отличий в нормах сыска беглых государственных и частновладельческих крестьян в Расправе не наблюдается, в дальнейшем мы откажемся от раздельного изложения вопроса по каждой из двух групп крепостного крестьянства, выделяя, однако, некоторые правовые особенности черносошных и дворцовых крестьян в той мере, в какой позволяют нам сделать это материалы Палаты об Уложении.

Статья 15 Расправы предусматривает возврат «без урочных лет» тех беглых крестьян, которые записаны за владельцами не в писцовых, а в переписных книгах 1646—1647 гг. Эта норма заимствована из ст. 9 XI главы Уложения 1649 г. К ст. 9 добавлен приговор Палаты. Приговор предусматривает

¹⁴ «Дворцовых крестьян и бобылей и посацких людей по писцовым и по переписным книгам сыскивать и из-за помещиков и вотчинников выводить против государева указу и Соборного Уложения» (ПСЗ, II, № 981, стр. 418).

довольно частый в практике случай, когда беглые крестьяне, значащиеся за кем-нибудь в переписных книгах 1646—1647 гг., будучи в бегах, попали в переписные книги 1678—1679 гг. по новому месту жительства («написаны за иными помещиками и вотчинниками в переписных книгах 186 [1678]-го и 187 [1679]-го годов»). В таком случае беглые подлежат возврату тем владельцам, за которыми они значатся в книгах 1646—1647 гг. Аналогичным образом подлежат возврату прежним владельцам те беглые, которые числятся за ними в книгах 1676 г., хотя и занесены, будучи в бегах, в книги 1678—1679 гг. Таким образом Палата сохраняла принцип старины крестьянской крепости.

О сыске беглых крестьян и бобылей «без урочных лет» упомянуто в ст. 17 Расправы, хотя основным предметом этой статьи является регламентация сбора пожилых денег за держание беглых. Но в той части, в какой ст. 17 воспроизводит текст ст. 10 XI главы Уложения о сыске беглых «без урочных лет», она дополняет ст. ст. 1 и 6 Расправы. Если ст. ст. 1 и 6 говорят о сыске и возврате крестьян и бобылей, бежавших до нового уложения, то ст. 17 устанавливает ту же норму на будущее — в отношении крестьян, бежавших после «нынешнего Уложения».¹⁵

Статья 21 во многих отношениях смыкается со ст. 15. Она включает ст. 11 XI главы Уложения, устанавливающую возврат беглых по переписным книгам 1646—1647 гг. К тексту ст. 11 Палатой добавлено указание на книги 1678—1679 гг., как на основание возврата беглых наряду «со старыми» книгами 1646—1647 гг. Приговор Палаты, составляющий вторую часть ст. 21, повторяет приговор к ст. 15, утверждая, как и ст. 15, принцип старины крестьянской крепости. И все же ст. 21 имеет большое самостоятельное принципиальное значение. Она служит как бы синтезом всех предшествующих статей (1-й, 6-й и 15-й), утверждающих принцип бессрочного сыска беглых и юридические основания их возврата — запись за владельцами в писцовых и переписных книгах на протяжении почти всего столетия. При этом каждый из видов и форм описаний сохраняет свою юридическую силу и самостоятельное значение как основание крестьянской крепости. Никакого поглощения в правовом смысле предшествующих описаний последующими не наблюдается. Палата юридически закрепила и это обстоятельство, объявив, вслед за соответствующими указами 70—80-х годов, крестьян, попавших в переписные книги 1676—1678 гг., «крепкими своим владельцам».

¹⁵ Палата заменила слова «с сего государева Уложения» словами «с нынешнего Уложения».

Итак, Расправа закрепила важнейший принцип Уложения 1649 г. — сыск беглых крестьян и бобылей «без урочных лет». Само по себе это обстоятельство как будто бы не вносило ничего нового. Однако ко времени работы Палаты исторической и юридической смысл этой нормы заметно изменился. Принцип бессрочного сыска беглых крестьян приобрел к началу XVIII в. абсолютное значение, поскольку со времени писцовых книг 1626 г., служивших хронологически первым основанием сыска и возврата крестьян и бобылей, прошло три четверти столетия, и, следовательно, те крестьяне, которые бежали до книг 1626 г. и не подлежали сыску, утратили для феодалов реальное значение. То же значение имело сохранение юридического основания сыска беглых и за переписными книгами 1646—1647 гг. Тем самым крепостные крестьяне в значительном большинстве иски и навечно становились «крепкими своим владельцам».

Уложение 1649 г., отменяя урочные годы, придавало новой законодательной норме общее значение для всех крестьян, бежавших от своих владельцев после писцовых книг 1626 г. Исключений из этого правила в Уложении не было предусмотрено. Практика второй половины XVII в. внесла существенные поправки, показав необходимость законодательного ограничения исходного срока сыска беглых в ряде отношений, сообразуясь с государственными интересами, либо с запросами отдельных групп землевладельцев. Установление новых исходных сроков сыска беглых крестьян и бобылей было предпринято во второй половине XVII в. прежде всего в области сыска бежавших в города по «черте» и в особенности в отношении тех из них, которые поверстались в полковую и городскую службу. За этим последовало установление сроков сыска и возврата крестьян, перешедших в посады и занятых промысловой и торговой деятельностью. Новые срочные годы сыска беглых устанавливались специальными указами для Смоленского уезда и прилегающих к нему западных уездов России. Срок сыска был определен и в отношении тех беглых крестьян, которые поверстались в стрелецкое войско.¹⁶

¹⁶ Установление новых сроков сыска беглых в указанных случаях не означало даже частичного отступления от принципа отмены урочных лет. Урочными годами были годы, в течение которых (первоначально пять лет, затем, перед 1649 г., — 10 лет) возможна была подача исковых челобитных о сыске беглых. При этом урочные годы в каждом отдельном случае исчислялись с момента побега крестьян и бобылей. Отмена урочных лет привела к установлению принципа бессрочного сыска, но с учетом общего исходного срока, каковым по Уложению 1649 г. были писцовые книги 1626 г., а для крестьян, не попавших в писцовые книги, — переписные книги 1646/47 г. При новых исходных сроках сыска беглых в городах по «черте», в посадах и так далее, отмена урочных лет и в данном случае

В какой же мере эти важные законоположения в области крепостного права второй половины XVII в. получили отражение в Расправе?

Расправа, опирающаяся не только на Уложение 1649 г., но и на законодательную практику второй половины века, разумеется, знает установление новых сроков сыска беглых крестьян и бобылей. В этом отношении привлекает внимание прежде всего ее ст. 3. По содержанию она распадается на две части. В первой устанавливается срок сыска беглых людей и крестьян, поверставшихся в «полковую и в копейную», и «в рейтарскую, и в солдацкую, и в городовую службы» в городах по «черте». В соответствии с указом 8 февраля 1683 г. срок сыска устанавливается здесь с разбора служилых людей в 1675 г. Беглые, поверставшиеся в службу до разбора и в разбор 1675 г., сыску и возврату в холопство и в крестьянство не подлежали. Указывая срок сыска беглых крестьян и бобылей по «черте» с 1675 г., Палата особое внимание уделяет запрету приема беглых «впредь с нынешнего Уложения».

Вторая часть ст. 3 посвящена взысканиям за прием беглых и наказаниям за побег как раз в период после нового Уложения.

Источником ст. 3 служит прежде всего ст. 4 (2) Наказа сыщикам 1683 г.¹⁷

Основу последующей части текста составляет данный из Разряда указ 8 февраля 1683 г. об оставлении в городах Белгородского и Севского полков беглых крестьян, которые прибыли туда и записаны в городовую службу «по прибору» до разбора и в разбор служилых людей в 1675 г., и о сыске и возврате помещикам и вотчинникам тех крестьян, которые прибыли в города Белгородских и Севских полков и записаны в службу после 1675 г. За этим следует редакционно измененная часть того же указа 1683 г., которая определяет санкции за прием беглых. Сюда же входят приговор Палаты о сторублевых пенях на бурмистров и воевод за прием беглых и клаузула о наказании

оставалась в силе, так как никакого ограничительного срока подачи исковых челобитных и сыска беглых с момента их побега не устанавливалось. Это обстоятельство важно оговорить, так как в литературе имеются, на наш взгляд, неосновательные попытки трактовать установление нового исходного срока сыска для ряда групп беглых крестьян по «черте» как восстановление урочных лет в отношении крестьян, числившихся в пограничных городах (см.: М. Дьяконов. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве. СПб., 1898, стр. 65; Л. В. Черепнин. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства. Исторические записки, № 4, 1938, стр. 41—43).

¹⁷ Здесь и в дальнейшем применена двойная нумерация статей Наказа сыщикам 1683 г. Первая цифра номера дается по списку Наказа, использованному Палатой (ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, лл. 72—96 об.), вторая (в скобках) — по списку Наказа, изданному в ПСЗ, II, № 998.

крестьян за побег. В конце статьи помещена приписка к указу 1683 г., принятая во втором чтении.

О побеге крестьян с «черты» и на «черту» говорит также следующая, 4-я статья Расправы, представляющая собою редакционно переработанную 5 (3)-ю статью Наказа сыщикам. Здесь речь идет о возврате на «черту» тех крестьян, которые поселились в городах и уездах по «черте» до 1653 г., но бежали с «черты» на прежние свои жеребьи после этого года. Таким образом, ст. 4, в отличие от ст. 3, за срок сыска беглых крестьян по «черте» берет 161 (1653) г. Разобраться в этом на первый взгляд непонятном противоречии поможет нам тот же указ 8 февраля 1683 г. Вслед за определением срока сыска беглых крестьян, поверставшихся в полковую и городовую службу по «черте» (1675 г.), в указе говорится: «А которые в тех городах живут и написаны в посадах или в тягле или у кого в захребетниках, а в полковую и городовую ни в какую службу по разбору не написаны, и тех помещикам и вотчинникам велено отдавать по прежнему указу их в. г. блаженной памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича и по боярскому приговору 164 [1656] г. со 161 [1653] году».¹⁸ Итак, если ст. 3 Расправы устанавливает срок сыска беглых, занятых военной службой по охране границ государства, и берет за этот срок разбор служилых людей в 1675 г., то ст. 4 имеет в виду сыск другой группы беглых крестьян, тех, которые в военную службу не поверстались. Для них указ 8 февраля 1683 г. устанавливал свой срок сыска. Этот же указ предусматривал еще одну группу беглых крестьян в городах по «черте»: «А которые за помещики и за вотчинники во крестьянех и бобылях и в холопах, и тех по крепостям велено отдавать бессрочно по Уложению».¹⁹ Во втором чтении материалов XI главы в Палате, в результате редакционной правки указа 1683 г., эта часть текста была вычеркнута. Так как ст. 4 Расправы не содержит определения группы крестьян, на которую распространяется ее норма, следует полагать, что в ней предусмотрен сыск по «черте» всех остальных крестьян, кроме тех, о которых говорится в ст. 3. Обе эти статьи закрепляли исходные сроки сыска беглых на южной границе, установившиеся в прошлом законодательстве.

Вынуждаемое государственной потребностью охраны южных границ от набегов крымских татар, русское правительство неоднократно отодвигало сроки сыска беглых по «черте», не решившись, однако, полностью отменить сыск беглых крестьян и

¹⁸ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, лл. 65 об.—66.

¹⁹ Там же, л. 66.

холопов в пограничных городах, что нанесло бы существенный урон интересам дворянства центральных уездов.

В самом конце столетия в результате Азовских походов границы государства были отодвинуты далеко на юг, до берегов Черного моря. В силу этого обстоятельства составители Расправы не видели более необходимости укреплять границы силами беглых крестьян и холопов и тем самым делали шаг в сторону усиления крепостнического режима в интересах подавляющей массы дворян центральных уездов.

Другой областью, где во второй половине XVII в. было предпринято установление своего срока сыска беглых крестьян, бед их сыск в Смоленском, Дорогобужском, Бельском и Рославльском уездах. В обстановке войны России с Польшей многие крепостные крестьяне Смоленского и соседних уездов бежали в центральные и северо-западные районы России. Имел место и обратный процесс передвижения беглых из замосковских уездов в Смоленскую землю. Возможность применения в таких условиях общих норм сыска беглых, фиксированных в Уложении, была исключена.

Установлению срока крепости и сыска беглых крестьян в западных уездах посвящена ст. 20 Расправы. Источником при ее составлении служил приговор думного дьяка Е. И. Украинцева от 18 ноября 1698 г., принятый в ответ на память из Поместного приказа относительно порядка и сроков взимания пожилых денег со смоленской шляхты. Приговор Е. И. Украинцева начинается с сокращенной и редакционно измененной передачи указа 25 августа 1698 г. о прикреплении крестьян Смоленского шляхетства по книгам 1668 г.²⁰ Та часть указа, которая закрепляет крестьян Смоленского и других уездов за местной шляхтой, рейтарами, помещиками и вотчинниками по переписным книгам 1668 г. и устанавливает срок сыска и отдачи беглых с 1668 г., воспроизведена в ст. 20 с теми небольшими редакционными поправками, которые были приняты по тексту приговора Е. И. Украинцева во втором и, видимо, третьем чтениях приговора в Палате. Вторая часть ст. 20, которая касается уплаты пожилых денег за держание беглых смоленской шляхтой, воспроизводит соответствующую часть собственно приговора Е. И. Украинцева. Третью часть ст. 20 составляет приговор Палаты, меняющий порядок сбора пожилых денег со смоленской шляхты в период после «нынешнего Уложения». Таким образом, ст. 20 Расправы признает крестьян и бобылей Смоленского, Дорогобужского, Бельского и Рославльского уездов закрепленными за шляхтой, рейтарами, помещиками и вотчинни-

²⁰ ПСЗ, III, № 1640.

2 Труды ЛОИИ, вып. 2

7.2/334

ками тех же уездов по переписным книгам 1668 г. Соответственно устанавливается в статье и срок сыска беглых крестьян в западных уездах — «после переписных книг 176 [1668] году». Взимание же пожилых денег за держание беглых с дворян «Смоленского уезду с пригороды» в пользу помещиков и вотчинников замосковных городов и наоборот — с помещиков центральных уездов в пользу смоленской шляхты устанавливается с 1698 г. За прошлые годы, начиная с переписных книг 1668 г. и до 1698 г., сбор пожилых денег воспрещался. Палата, утверждая срок начала сбора пожилых денег, предусмотренный приговором Е. И. Украинцева («по указу»), постановляла на будущее: «А с нынешнего Уложения на шляхте пожилые деньги указывать против замосковных помещиков и вотчинников». Приговор Палаты, таким образом, должен был прекратить в будущем особые права смоленских дворян в уплате пожилых денег и уравнивать их в этом отношении с помещиками и вотчинниками замосковных уездов.

Так решался в Расправе вопрос относительно сыска крестьян, бежавших из западных уездов в соседние уезды, либо в центральные уезды страны.

А как должно было обстоять дело относительно тех крестьян, которые бежали из пограничных уездов за рубеж? Разумеется, никакого сыска беглецов за пределами рубежа не могло быть. Однако, в практике часты были случаи, когда такие крестьяне возвращались на русскую землю. Тогда-то и вступал в силу закон о сыске.

Таким беглым крестьянам, выходцам из-за рубежа, в Расправе посвящено две статьи — 44-я и 45-я. Первая из них воспроизводит ст. 33 XI главы Уложения 1649 г., предписывающую беглых — выходцев из-за рубежа, которые не захотят вернуться к своим помещикам и вотчинникам и будут просить воли, подвергнуть допросу и вернуть их прежним владельцам, от которых они бежали за рубеж, а воли не давать.

Пребывание за рубежом, таким образом, не делало крестьянина свободным, и, возвращаясь обратно (надо полагать, тоже не от хорошей доли), крестьянин попадал в прежние путы крепостничества. Палата сохраняла здесь норму Уложения 1649 г.

Статья 45 в неизменном виде повторяет ст. 34 XI главы Уложения. Норма ст. 34 принята Палатой как относящаяся к периоду до новоуложенной книги. Что касается времени после новоуложенной книги («А впредь с сего Уложения»), то Палата дополняла и развивала норму ст. 34 своим приговором, который тоже вошел в состав ст. 45 Расправы. Приговор увеличивал размер платы с жеребья в сравнении с размером ее в ст. 34 вдвое — 10 руб. вместо 5 за каждого крестьянина. В остальной

части приговор Палаты отвлекается от частного случая, предусмотренного ст. 34, когда жеребьевкой решался спор среди помещиков и вотчинников в отношении беглых крестьян, поженившихся за рубежом на беглых же девах и вдовах других владельцев и вышедших из-за рубежа к старым своим помещикам и вотчинникам, и рассматривает подобную ситуацию в более общем плане. Приговор имеет в виду случай, когда какой-либо помещик или вотчинник поженит между собой проживающих у него крестьянина и крестьянку, бежавших от разных помещиков и вотчинников. Тогда спор между претендентами на беглых при условии расторжения брака должен решаться жеребьевкой. А с державшего беглых взимаются пожилые деньги.

Роль порубежных связей в развитии крепостного права не исчерпывалась вопросом о побегах крепостных за рубеж и их возвращением на русскую землю, но имела другую, не менее важную сторону. Из-за рубежа шло пополнение рядов крепостного крестьянства главным образом в виде полона, поступавшего в ходе войн. Вслед за законодательством второй половины XVII в. Палата не обошла и этот вопрос. Ему посвящены две статьи Расправы — 46-я и 47-я.

Статья 46 трактует вопрос о сыске польских крестьян, которые попали в плен или «давались сами с воли» и затем закрепощены помещиками под ссуду и корм, но после того бежали. Статья предписывает таких беглых «имать» и «сажать в тюрьму до указу».

Рассматриваемая статья разбивается на две части. Первая часть ее заимствована из грамот, посланных 21 апреля 1658 г. «во все города княжества Литовского».²¹

Война с Польшей открыла широкие возможности пополнения рядов крепостных людей за счет пленных литовских и польских крестьян и лиц других национальностей. Служилые люди — помещики — отправляли полон в свои вотчины и поместья. Пользуясь бедственным положением пленных, дворяне закабалляли их с помощью ссуд и подмоги. Правительство указами и грамотами периода польской войны санкционировало превращение иноверных пленных в крепостных людей и брало на себя сыск и задержание беглых из их числа. Напомним, например, указ 30 июля 1654 г. Запрещая служилым людям брать в полон «белорусцев пахотных крестьян» Бельского, Дорогобужского и Смоленского уездов и учреждая с целью проверки полона заставы по дороге от Смоленска, указ вместе с тем разрешал «пропускать к Москве» тех пленных, которые «скажутся Мстиславского и иных зарубежных городов литов-

²¹ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 118, сстав 3.

ские люди, католицкие смяцкие веры, и жидаы и мурзы и всякие некрещенные люди».²²

Последующие указы 80-х и 90-х годов требовали записи «полонных» людей в Москве в Приказе холопья суда и в городах в съезжих избах.

Палата, исходя из установлений, касающихся полона русско-польской войны, придала им общее значение. В приговоре речь идет о «полонениках всех государств». Кроме того, приговор требует вмешательства органов государственной власти (приказов) в процесс распределения пленных и оформления их зависимости: «А впредь с сего Уложенья на Москве и в городех таких полонеников всех государств записывать в приказе со взятия их ис приказу к Москве и в городаы в месяц». В совершенно обязательном порядке должны были регистрировать пленных помещики и вотчинники, находившиеся в разъездах по делам службы. Запись пленных и «вольных» из-за рубежа производилась ими по возвращении со службы. По предписанию Палаты вопрос о крепостной неволе и сыске беглецов из полона решался в зависимости от вероисповедания крестьянина («Указ о таких беглых чинить по крещению»).

Изложенное показывает, что Палата поднимала вопрос о пополнении рядов крепостных людей за счет военнопленных и иноверцев до уровня общегосударственной задачи.

Статья 47 Расправы по основной своей направленности примыкает к предшествующей статье. Однако она имеет лишь частное значение, предусматривая совершенно определенный и конкретный случай попадания в круг крепостных людей путем брачных связей с русскими крепостными пленными, взятых во время военных действий русских войск на Украине в 1668 г. против отрядов изменившего России гетмана левобережной Украины И. М. Брюховецкого. Источником ст. 47 служили статьи Малороссийского приказа 1670 г.²³ Палата оставила таких пленных украинцев за теми помещиками и вотчинниками, в имения которых они попали в результате подавления восстания Брюховецкого.

Третьей важной областью, где развитие крепостных отношений имело ряд особенностей и прежде всего было связано с установлением новых сроков сыска беглых крестьян и бобылей, был посад второй половины XVII в.

В борьбе посадов с феодалами за крестьян-тяглецов во второй половине XVII в. правительство занимало двойственную позицию. С одной стороны, оно стремилось оградить интересы

²² ПСЗ, I, № 135.

²³ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 118, сстав 10.

дворянства и других феодалов, которые были против включения крестьян в посадское тягло и приписки к посадам. В этом заключалась основа запретительной части указов второй половины XVII в. о приписке крестьян к посадам. С другой стороны, укрепление тяглоспособности посадов как плательщиков прямых налогов, отвечающее интересам государственной казны, и необходимость в какой-то мере удовлетворить требования верхушки посада — гостей и торговых людей гостинной и суконной сотен заставляли правительство идти навстречу требованиям посадских общин о включении в посадское тягло и приписке к посадам владельческих крестьян, промышляющих и торгующих на посадах.

Этим объясняется компромиссный характер указов о приписке крестьян к посадам. Указы 60—80-х годов XVII в. признавали *de facto* и вопреки Уложению переход крестьян в посады, но лишь до определенного срока, после которого переход в посады считался незаконным и крестьяне подлежали возврату к своим владельцам. Срок приписки крестьян к посаду неоднократно менялся от указа к указу и даже не был единым в отношении разных городов и разных посадских общин. У Ярославля был один срок, у Костромы — другой и т. д. Дворцовые слободы Москвы имели свой срок приписки и тоже непостоянный, тяглые посадские общины — свой. Наконец, в результате законодательной практики была выработана общая формула приписки крестьян и бобылей к посадам, получившая воплощение в указе 19 октября 1688 г.²⁴ Таким образом, указ 19 октября 1688 г. становился актом наиболее общего значения. Этим объясняется его использование Палатой об Уложении.

Если ст. 2 Расправы, повторяя почти дословно ст. 3 (1) Наказа сыщикам, закрепляет результаты посадской реформы по Уложению 1649 г., предписывая государевых и владельческих крестьян, взятых в 1649 г. по промыслу в посады, «с посаду не отдавать и велеть им жить в тех городех на посадах по-прежнему», то ст. 3, касающаяся пограничных городов, и ст. 16, говорящая о прочих городах-посадах, отражают последующий этап посадской и городской политики правительства в данном вопросе. В этом смысле ст. 3 и 16 Расправы объединены известной общностью, хотя каждая из них имеет свой особый предмет: ст. 3 касается вопроса охраны границ, а ст. 16 занята вопросом посадского строения.

Статья 16 содержит основную часть указа 19 октября 1688 г., который логически завершает группу указов 60—80-х

²⁴ Там же, ч. I, лл. 6 об.—7.

годов XVII в., последовательно развивавших тему включения в посадское тягло и приписки к посадам вотчинных и поместных крестьян, поселившихся на посадах после Уложения 1649 г. и занятых промысловой и торговой деятельностью. Статья 16 предписывает всем поместным и вотчинным крестьянам, бобылям, закладчикам, захребетникам, их братьям и свойственникам, которые живут в посадах и слободах по указам 1 апреля 1655 г. и 17 декабря 1684 г.,²⁵ имеют на посаде торги, промыслы, владеют посадскими тяглыми дворами, женаты на вдовах и дочерях посадских людей и записаны в переписных книгах 1678 г. за посадом, и тем, которые в книгах не записаны из-за отъезда по торговым и ремесленным промыслам или пришли в посад после составления книг, — всем этим людям, пришедшим в посады в период от 1649 г. до 17 декабря 1684 г., жить в городах по-прежнему, а помещикам и вотчинникам в холопство и в крестьянство их не отдавать.

Следует отметить, что перечисление в статье многих признаков, которым должны отвечать крестьяне, пришедшие в посад, вовсе не означает, что в каждом отдельном случае эти признаки должны быть представлены все до единого. Важнейшими из них были наличие торговой, либо промысловой деятельности на посаде и связанной с нею недвижимой собственности, а также переселение в посад в период до 17 декабря 1684 г.

Вторую часть ст. 16 составляет приговор Палаты. Приговор запрещал прием крестьян и бобылей в посады после 17 декабря 1684 г., определяя санкции против нарушителей этого требования. Такой закон в полной мере отвечал бы интересам помещиков и вотчинников преимущественно центральных и западных уездов государства. Если бы Расправа в составе готовившейся в Палате новоуложенной книги обрела силу закона, то практическим следствием ст. 16 явился бы массовый сыск крестьян и бобылей, перешедших на посады с 1685 г. Именно это время было временем бегства значительного числа крестьян в посады. Правительство пыталось законодательно ограничить этот процесс, в связи с чем и были приняты указы 80-х годов XVI в. Но уже десятилетие спустя, на рубеже XVII и XVIII столетий, законодательство по вопросу перехода крестьян в посады несколько меняется.

²⁵ Указ 1 апреля 1655 г. предписывал «по женам имать в сотни в тягло» тех стольников, стряпчих, дворян московских жильцов, дьяков, подьячих, которые «учнут женитца гостинные и суконные и черных сотен на вдовах и на девках» (ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. 1, лл. 34 об.—35). Указ 17 декабря 1684 г. разрешал приписку к черным сотням и слободам Москвы крестьян, пришедших в Москву с 1649 г. и до даты указа (там же, лл. 1 об.—2).

Правительственные указы и приговоры Ратуши 1699—1700 гг. узаконяли приписку к посадам крестьян, промышленящих и торгующих в городах, независимо от каких-либо сроков их проживания на посадах. Указ 1699/1700 г., например, требовал «взять в посады» всех лиц, включая и крестьян, которые «в Казани и в иных городех» «торгуют в лавках и отъезжими торгами и в домех» и имеют «кожевные и иные какие промыслы, и тем у посацких людей отымают». «А которые крестьяня не похотят и им никакими торги никогда не торговать и промыслов никаких не держать и в лавках не сидеть, и жить им за помещиками».²⁶

Приговор Ратуши от 11 марта 1700 г., ссылаясь на «прежний указ великого государя», требовал вотчинных и поместных крестьян, «которые живут в городех на тяглых землях, и торгуют всякими торги, и тягло платят, взять в посады». Если кто из крестьян захочет перейти в посад, то должен подать местным бурмистрам «сказки за руками». Бурмистрам запрещалось самовольно зачислять крестьян в посады без приговора Ратуши в каждом отдельном случае. Однако в действительности во многих городах бурмистры действовали самостоятельно и брали крестьян в посады, не отписывая в Ратушу и не выжидая ее приговоров.²⁷

Таким образом, попытка Палаты узаконить срок приписки к посадам крестьян и бобылей, предусмотренный указом 19 октября 1688 г., и тем самым закрыть переход владельческих крестьян в посады, была в противоречии с законодательной практикой и фактическим положением дела как раз в те годы, когда заседала Палата.

Отсюда видно, сколь далеко расходились позиции Палаты, отражавшей интересы крепостников, и новых органов городского управления — Ратуши и бурмистров, представлявших интересы торгово-ремесленной верхушки города и пользовавшихся поддержкой правительства. Правительство Петра I, проведя городскую реформу 1699 г., предоставило промышленно-торговой верхушке крестьянства более широкие возможности перехода в посады, преследуя цели укрепления городов как центров промышленности и торговли и усиления притока прямых налогов в казну.

Все эти процессы, видимо, не встретили понимания и поддержки со стороны Палаты. Характерно, что ни один из указов и приговоров Ратуши 1699—1701 гг. относительно приписки

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. I, лл. 9—10. Указ здесь датирован 7208 (1699/1700) г. без указания месяца.

²⁷ ПСЗ, IV, № 1775.

крестьян к посадам не получил отражения в новой XI главе.²⁸ В какой мере Ратуша оберегала интересы торгово-промышленной верхушки города, а Палата — помещиков и вотчинников, покажет еще один пример. После указа 1699/1700 гг. (см. выше) Ратуша разослала по городам приговор, который между прочим обязывал крестьян, торгующих в городах привозными сельскохозяйственными товарами, «товары продавать им на гостиных дворах оптом с возов и с стругов, а не врознь и не из наемных лавок».

Рассмотрев этот приговор, Палата вынесла решение: «Велеть бурмистрам быть в Полату и говорить с ними, для чего они в города указы послали крестьяном продавать всякие товары оптом, а не порознь. И тем бедным людям чинитца теснота, а пожиточным людям пожитки, для того товары купят оптом дешевою ценою, а врознь продают стакався с своею братьею, скупщиками, дорогою ценою. А на Москве на Гостине дворе и по торгом продают врознь с возов».²⁹

Беря под защиту бедных городских людей, которых ставили в тяжелое положение оптовые скупщики крестьянских товаров, набивавшие на них цены, Палата в конечном итоге отстаивала интересы помещиков и вотчинников. И те и другие были заинтересованы в обогащении своих крепостных крестьян в результате торговых операций в городе, что давало возможность увеличивать оброки.

Ревниво и порою, видимо, слишком прямолинейно отстаивая интересы крепостников, что не могло, разумеется, не ущемить интересы нарождающегося купечества, Палата неизбежно должна была войти в противоречие с некоторыми особенностями политики правительства Петра, начавшими проявляться уже в первые годы его царствования.

Итак, Палата об Уложении закрепила принцип бессрочного сыска беглых крестьян и бобылей, узаконив одновременно в соответствии с обстановкой и законодательной практикой прошлого ряд отступлений от единого исходного срока сыска, отступлений, сказавшихся в закреплении новых сроков сыска беглых в пограничных городах, посадах и Смоленской земле. Но если в прошлые сроки сыска не были устойчивыми и неоднократно передвигались, то попытку Палаты окончательно закрепить последние из них, отстоящие от времени составления нового свода законов (1700—1703 гг.) лет на 12—30, нельзя расценить иначе, как очевидную тенденцию к унификации норм

²⁸ Кое-какие материалы Ратуши фигурировали во втором чтении XI главы Уложения, но были отклонены Палатой.

²⁹ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 23 об.

сыска беглых крестьян и бобылей в государстве. В самом деле, с течением времени, по мере удаления начала срока сыска, различие между теми крестьянами, в отношении которых был в силе первоначальный исходный срок сыска, и теми из них, в отношении которых устанавливались новые сроки сыска, практически должно было все более и более стусшевываться. А если принять во внимание весьма многочисленную группу крестьян, впервые закрепленных за теми или иными владельцами по переписным книгам 1678 г. и которые в случае их побега подлежали возврату на основании книг 1678 г. и именно с этого года, то видеть какую-либо разницу между ними и беглыми крестьянами пограничных городов и Смоленской земли совершенно невозможно.

Следует добавить к этому, подлежал ли беглый крестьянин бессрочному сыску или срок его сыска укладывался в обозримые рамки времени в пределах одной человеческой жизни, юридическая природа как того и другого сыска, так и самих крестьян оставалась одной и той же. Это хорошо прослеживается на остальном материале Расправы.

В соответствии с ходом развития классовой борьбы во второй половине XVII в. основной задачей правительства была борьба с побегами крестьян и урегулирование отношений в лагере крепостников как раз в вопросе о принадлежности беглых крестьян и бобылей, отношений, крайне обостренных борьбой феодалов за рабочие руки. Этим объясняется, что основным предметом Расправы является вопрос о побегах крестьян и урегулирование взаимных споров феодалов в области их прав на владение крепостными крестьянами прежде всего в связи с побегами последних. Не представляется случайным, что из 48 статей Расправы беглым крестьянам посвящено 39 статей (81%). Правда, удельный вес тех же статей в XI главе Уложения 1649 г. немногим ниже и составляет 76%. Но не только это, хотя бы и незначительное возрастание удельного веса статей о беглых крестьянах привлекает наше внимание. Рост в полтора раза количества тех же статей в Расправе в сравнении с количеством их в XI главе Уложения (39 против 26) еще в большей степени свидетельствует о крупных сдвигах к концу XVII в. на путях усиления режима крепостного права. Существо процесса не исчерпывается, однако, только этими формальными статистическими показателями. Куда более значительные изменения произошли в характере и объеме правовых норм, которые не поддаются никакому статистическому учету и могут быть выявлены лишь в ходе сравнительного анализа.

Будучи озабочены укреплением режима владельческих прав крепостников и борьбой с побегами крестьян, составители Рас-

правы считали первоочередной задачей разработать систему санкций, с одной стороны, против тех, кто нарушал эти права, принимая и укрывая беглых, с другой стороны — против тех, кто совершал побег, т. е. против самих крестьян и бобылей.

Следует отметить одно любопытное обстоятельство, которое на первый взгляд может показаться парадоксальным, а между тем имеет реальное основание, именно то, что статей, содержащих санкции против феодалов, нарушающих правила владения крепостными крестьянами и приема их в вотчины и поместья, в Расправе значительно больше, чем статей, имеющих санкции против самих беглых. Объективный классовый смысл этого состоял в том, что урегулирование правовых отношений в вопросе о беглых крестьянах способствовало укреплению крепостного права, что в свою очередь открывало новые возможности усиления гнета над крестьянами в интересах класса феодалов в целом.

Вопрос о повышении ответственности за прием беглых крестьян и бобылей и о санкциях против тех, кто принимал и укрывал беглых, разработан Палатой с большой тщательностью и полнотой. Он решается прежде всего дифференцированно, в зависимости от социальной принадлежности и служебного положения лица, нарушившего заповедь о неприеме беглых. Принципиально Палата не вносила здесь ничего нового; она шла по тому пути, который наметился в предшествующем законодательстве, но заметно продвинулось по нему вперед.

В Расправе предусмотрена значительно большая дифференциация санкций прежде всего материального свойства, введена уголовная мера — смертная казнь для помещиков и вотчинников за ложное крестоцелование при допросе о беглых, усилены и поновому обоснованы наказания крестьян за побег.

В Расправе выделены следующие группы лиц, в отношении которых Палата предусматривает меры взыскания за держание беглых: 1) помещики и вотчинники; 2) чины администрации — воеводы, бурмистры; 3) приказчики дворцовых земель, поместий и вотчин, выборные люди, старосты посадов и черных волостей; 4) отдельные крестьяне или крестьянские миры (деревни, волости).

Первые две группы, как принадлежащие к господствующему классу, были свободны от телесного наказания и основной мерой воздействия против тех из представителей этих групп, которые принимали и укрывали беглых, была материальная ответственность. На представителей этих же групп распространялась высшая мера наказания — смертная казнь за ложное крестоцелование в допросе о беглых. Впрочем, последняя мера наказания была общей, направленной против всех клятвопреступников.

Приказчики, выборные люди и крестьяне при определенных обстоятельствах, оговоренных законом, подлежали за прием и «предержательство» беглых телесному наказанию кнутом.

Наиболее распространенной санкцией, предназначенной главным образом для помещиков и вотчинников, было взимание пожилых денег, или денег «за жилые годы». Вопрос о размере и принципе сбора пожилых денег решался в зависимости от времени, на которое падал прием беглых. В данном случае, как и в ряде других подобных случаев, Палата выделяет два основных периода времени: прошлое — до составления нового Уложения и будущее — после нового Уложения.

В отношении прошлого времени Палата, исходя из основной своей задачи — составления сводного уложения и соблюдения принципа, по которому закон не имеет обратной силы, придерживалась исторической преемственности правовых норм.

В части сбора пожилых денег с помещиков и вотчинников за прием и «предержательство» беглых основной является ст. 17 Расправы. Она начинается с текста ст. 10 XI главы Уложения 1649 г. о сыске бежавших после Уложения, но без ее окончания, в котором содержится требование взимать по 10 рублей в год за каждого беглого крестьянина «за государевы подати и помещиковы доходы».³⁰ Опущенная часть ст. 10 XI главы Уложения заменена в ст. 17 Расправы ст. ст. 8 и 9 (5) Наказа сыщикам 1683 г., которые отражают status quo в вопросе взимания пожилых денег не только за период до 1683 г., когда был составлен Наказ, но и за все последующее время до конца столетия. Статьи 8 и 9 (5) Наказа в свою очередь передают содержание указа 3 января 1683 г., который отменял указы 13 сентября 1661 г. и 1 декабря 1682 г. о взимании наддоточных крестьян за держание беглых и устанавливал вместо этого размер пожилого против ст. 10 Уложения вдвое — 20 руб. в год за беглого крестьянина или бобыля.³¹ После 1683 г. взимание наддоточных крестьян было восстановлено на короткое время, а затем указом 23 марта 1698 г. вновь отменено с сохранением пожилых денег в размере 20 рублей.³²

Правило 1698 г. оставалось действующим ко времени обсуждения вопроса в Палате. В соответствии со ст. ст. 8 и 9 (5) Наказа 1683 г. ст. 17 Расправы говорит о сборе пожилых денег по 10 руб. в год за каждого беглого, принятого до 1661 г. и по 20 руб. в год — за принятых после 1661 г. Отличие ст. 17 Расправы от ст. ст. 8 и 9 (5) Наказа сыщикам 1683 г. состоит в том, что в Расправе, помимо помещиков, вотчинников и дере-

³⁰ Уложение, гл. XI, ст. 10.

³¹ ПСЗ, II, № 985.

³² Там же, III, № 1625.

вень как субъектов, виновных в держании беглых, упомянут духовный чин. Включение авторами Расправы в этот перечень духовенства отражало тенденцию к уравниванию в смысле подсудности духовенства с дворянством после ликвидации патриаршего Разряда в 1700 г.

Резко меняла Палата принцип сбора пожилых денег и их общую сумму в отношении периода времени после нового Уложения. В ее приговоре, вошедшем в состав ст. 17, сказано: «А с нынешнего Уложения за кем чьи беглые люди и крестьяне и бобыли станут жить и на таких за пожилые годы иметь деньги за всякого человека мужеска и женска полу, за мала и за велика, по десяти рублей на год».³³

Такое же исчисление пожилых денег содержится в ст. ст. 37 и 45 Расправы.

Сохранив, таким образом, в отношении прошлого правило сбора пожилых денег, фиксированное в ст. ст. 8 и 9 (5) Наказа сыщикам 1683 г., Палата приговорила в будущем вести, по выражению С. Н. Валка, «исчисление пени за каждого члена семьи беглого, что должно было весьма усилить размеры пени именно в отношении тех, кто успел обжиться за новым помещиком и обзавестись там семьей».³⁴

Новый способ исчисления пожилых денег должен был вместе с тем компенсировать несравненно большие потери тех помещиков и вотчинников, от которых бежали крестьяне с семьями, а не одинокие.

Статья 17 Расправы вскрывает перед нами линию Палаты на увеличение материальной ответственности крепостников за прием чужих беглых.³⁵

Пожилые деньги «по указу» предусматриваются с помещиков и вотчинников городов по «черте» за прием беглых «впредь с нынешнего Уложения» (ст. 3). Поскольку речь идет о приеме беглых в будущем, после нового Уложения, то выражение «пожилые деньги „по указу“» следует понимать как требование сбора денег по новому исчислению за каждого члена семьи по 10 руб. в год. Помимо пожилых денег, согласно ст. 3, «на приемщиков» беглых в городах по «черте» должно быть положено «наказанье», «чтоб на то смотря вpredь в тех горо-

³³ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 364.

³⁴ С. Н. Валк, ук. соч., стр. 238.

³⁵ О двадцатирублевом сборе пожилых денег за каждого беглого крестьянина мужского пола говорится в ст. 6 Расправы, в той ее части, которая с небольшими редакционными изменениями воспроизводит соответствующее место указа 23 марта 1698 г. Статья 6 в целом говорит о сыске и возврате крестьян, бежавших до нового Уложения, а потому исчисление пожилых денег в ней предусмотрено лишь по указу 1698 г.

дех и уездех никто ничьих беглых людей и крестьян не принимали и за собою не держали».³⁶ Характер наказания в статье, однако, не определен. Но поскольку речь идет здесь о помещиках, вотчинниках, то следует предположить, что под наказанием могут подразумеваться пени сверх пожилых денег, как это предусмотрено в ряде других статей новой XI главы.

Пожилые деньги определены и для «смоленской шляхты» в пользу помещиков замосковных уездов и для замосковных помещиков в пользу «смоленской шляхты» с 1698 г. «А впредь с нынешнего Уложения» шляхта уравнивалась в уплате пожилых денег с помещиками и вотчинниками замосковных уездов.

Палата повышала ответственность помещиков и вотчинников за прием беглых крестьян даже в том случае, если прием беглых осуществлен без их непосредственного участия. В Расправе ставится вопрос о конкретном виновнике и непосредственной и опосредованной ответственности. В данном отношении любопытна ст. 18. Ее первая часть заимствована из указа 23 марта 1698 г.³⁷ В ней предусмотрен случай, когда приказчики приняли беглых крестьян в вотчину или поместье по письму «людей их помещиков», т. е. каких-то третьих лиц, которые в допросе могут дать двойные показания: либо, что они писали письма приказчикам «собою без ведома бояр своих», и в таком случае «им за то чинить наказанье, бить кнутом», либо, письма писаны ими «по приказу бояр своих», и в таком случае они свободны от наказания, а вина ложится на вотчинников и помещиков. В отличие от указа 23 марта 1698 г. новым в данной части ст. 18 Расправы является то, что вместо требования указа, в случае если обнаружится, что письма о приеме беглых писаны приказчикам «по приказу бояр и окольничих и думных и близких людей», «докладывать о том великого государя», Палата вписала: «на таких помещиках и вотчинниках за пожилые годы деньги править же». Такая интерполяция в текст указа 1698 г. существенно меняла его смысл. В указе речь шла о высшем разряде феодалов — боярах и других думных чинах, обладавших значительными по размерам вотчинами и поместьями, ведением дел в которых они непосредственно не занимались. Эти обязанности возлагались на приказчиков и других слуг — управителей, «людей», решавших зачастую многие вопросы, в том числе вопросы о приеме беглых крестьян, самостоятельно, «не докладывая

³⁶ Все эти требования содержатся в заключительной части ст. 3 Расправы, источником которой служит приписка к указу 8 февраля 1683 г., принятая в результате второго чтения указа в Палате и перенесенная без изменения в ст. 3. Этим объясняется наличие в статье на первый взгляд неясных местоимений «тех городех».

³⁷ ПСЗ, III, № 1625.

бояр своих». Закон конца XVII в. ставил бояр и другие думные чины в привилегированное положение даже в том случае, если письма о приеме беглых писаны приказчикам по их собственному приказу, ограничивая санкцию докладом государю. Глубокий смысл поправки Палаты состоял в том, что она устраняла привилегию думных чинов, распространяя на них единую для всех феодалов санкцию за прием беглых — уплату пожилых денег. Сказанное в значительной мере подтверждается и конкретизируется пространственным приговором Палаты, представлявшим вторую часть ст. 18 Расправы. Приговор предписывает взимать деньги за пожилые годы с помещиков и вотчинников, с их людей и с крестьян в двойном размере в тех случаях, когда беглые крестьяне и бобыли приняты по письменному приказу, исходящему непосредственно от самих помещиков и вотчинников. Так как эта норма, говорящая о помещиках и вотчинниках в общей форме, следует непосредственно за той частью текста статьи, где сказано об устранении привилегии думных чинов, надо понимать, что она является общей для всех разрядов господствующего класса. Так обстояло дело в случае непосредственной вины владельца вотчины или поместья в приеме беглых. Но в отличие от законодательства XVII в., которое не определяло каких-либо взысканий с помещиков и вотчинников, если прием беглых произведен в поместьях и вотчинах без их ведома, Палата в том же приговоре, увеличивая ответственность феодалов за прием беглых, определяла взимание с них пожилых денег в однократном размере даже и тогда, когда не было их приказа о приеме беглых: «А на помещиках их и на вотчинниках пожилые деньги указывать за то в одноряд потому, что приказу их о приеме беглых к тем людям от них не было».³⁸

В целом ст. 18 служит прямым дополнением к ст. 17, вслед за которой она помещена, видимо, не случайно. Если ст. 17 определяет размер пожилых денег в зависимости от времени, когда совершен прием беглых крестьян, то ст. 18 регламентирует сбор пожилых денег в зависимости от обстоятельств приема беглых и степени участия в нем виновных лиц.

Статья 18 интересна в ряде отношений, и мы вернемся к ней еще раз позднее. Сейчас же, в связи с вопросом об уравнении ответственности различных групп феодалов за прием беглых крестьян, обратим внимание на упоминание в ней лиц духовного звания: «Да и на попах и на чернцах и на дьяконах и на слушках монастырских и на крестьянех за прием таких беглых за пожилые годы деньги править против того ж, как

³⁸ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 365.

указано править на помещиках и на вотчинниках, и на людех их, и на крестьянех».³⁹ Вспомним, что указ 3 января 1683 г. отменял наддоточных крестьян и устанавливал единые для всех пожилые деньги в размере 20 руб. в год, мотивируя тем, что «за попами и за дяконы крестьян и бобылей нет, и наддоточных крестьян и бобылей у них имать некого, чтобы их великих государей указ был всем равен».⁴⁰

По указу 23 марта 1698 г. дела о приеме беглых духовными лицами подлежали передаче на рассмотрение Патриаршего двора.⁴¹ В связи с предпринятой в 1700 г. реорганизацией церковного управления, и в частности упразднением Патриаршего разряда, Палата вновь уравнивала ответственность светских и духовных феодалов за прием беглых крестьян и бобылей, тем самым восстанавливая принцип указа 3 января 1683 г., однако на иной основе, в соответствии с новыми собственными установлениями.

Вопрос о беглых крестьянах и о выплате пожилых денег затронут в Расправе в различных аспектах. Один из них касается беглых крестьян, обнаруженных в купленных вотчинах («после писцов и в купчих те крестьяне... написаны»). В таком случае беглые крестьяне подлежали возврату их владельцу, а вместо них купившие вотчину имели право получить с продавших ее «таких же крестьян со всеми животы и с хлебом стоячим и с молочным из иных их вотчин». Таково содержание ст. 7 XI главы Уложения, вошедшей в состав ст. 13 Расправы. Текст ст. 7 дополнен приговором Палаты: «Да за тех же беглых отдоточных (отданных из купленных вотчин, — А. М.) крестьян указывать за государевы подати и за помещиковы доходы и за зажилые лета деньги на продавцах против того ж, как указано по 8 статье за даточных чужих беглых».⁴² Статья 8 в свою очередь требует «за беглых людей и крестьян, которые отданы будут в даточные, указывать зажилые годы по указу», т. е. в соответствии с нормами Расправы. Таким образом, ст. 13 в вопросе о пожилых деньгах не дает чего-либо нового. Другое дело — встречающееся в ней упоминание государевых податей и помещиковых доходов в общем ряду с деньгами за зажилые годы. Но этот сюжет требует дополнительных наблюдений. Он будет еще раз затронут позднее.

Наряду с вопросом о беглых в купленных вотчинах в Расправе поставлен вопрос об ответственности за беглых, обнаруженных в унаследованных и проданных вотчинах и по-

³⁹ Там же.

⁴⁰ ПСЗ, II, № 985.

⁴¹ Там же, III, № 1625.

⁴² Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 363.

местях. Статья 22, воспроизводя ст. 23 (19) Наказа сыщикам 1683 г., выдвигает требование брать пожилые деньги с наследников по нынешнему Уложению, т. е. в соответствии с нормами Расправы.⁴³ Палата сделала к этому тексту добавление, которое регламентирует размер пожилого с бездетной вдовы: «А на бездетной жене четвертой жеребей, а последние на сродниках и на свойственниках, что кому после того умершего достанетца поместий и вотчин и животов.»⁴⁴

Юридический смысл ст. 22 в ее первой, общей части нуждается в некотором комментарии.

Формулируя ст. 22 Палата, помимо ст. 23 (19) Наказа сыщикам, опиралась на указ 14 апреля 1692 г., которым был удовлетворен иск К. Ф. Нарышкина к стольнику А. Я. Хилкову в пожилых деньгах за беглых крестьян с 1661/62 г. по 1690/91 г.⁴⁵

Обстоятельства этого дела таковы. А. Я. Хилков женился на вдове князя И. М. Голицына, в вотчине которого в Пошехонском уезде жили беглые крестьяне К. Ф. Нарышкина. Хилков, получивший вотчину в приданое, опротестовал иск Нарышкина, ссылаясь на какой-то указ из Поместного приказа, по которому за таких беглых крестьян с новых владельцев вотчин пожилых денег править не велено. Нет сомнений, что Хилков имел в виду ту норму, которая получила отражение в ст. 15 (11) Наказа сыщикам: «А которые помещики и вотчинники чужих беглых крестьян принимали, а сами померли, а те их поместья и вотчины даны иным в поместья или в вотчины и на тех новых помещикех и вотчинникех за жилые годы денег править не велеть».⁴⁶ Указ 14 апреля 1692 г. отклонил доводы Хилкова на том основании, что пошехонская вотчина ему досталась в приданое, «а не по посторонней какой-иной даче». Этим самым указ подводил дело Хилкова под норму, составившую содержание ст. 23 (19) Наказа сыщикам.⁴⁷ Палата об Уложении придала ст. 22 Расправы тот же юридический смысл.

Что касается текста той же статьи о долях платежа пожилого бездетной женой пропорционально доле наследованных ею вотчин или поместий, то вместе с приговором Палаты, составившим содержание ст. 23 Расправы, эта часть ст. 22 опирается на указ из Семеновского приказа 28 августа 1700 г. по спорному делу о беглом крестьянине. В 1698 г. умер Иван Нарбеков. После его смерти бездетная его жена и братья разде-

⁴³ Там же, стр. 366.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, лл. 30, 31.

⁴⁶ ПСЗ, II, № 998, ст. 11.

⁴⁷ Там же, ст. 19

лили его поместья и вотчины полюбовно. Братьям досталось три жеребья, вдове — четвертый жеребей. После раздела, по челобитью солдата Семеновского полка Петра Муханова, в жеребье одного из братьев умершего «сыскан поступной беглой крестьянин», которого принял еще Иван Нарбеков. Петр I указал Петру Муханову зажилые деньги взять с жены и братьев Ивана Нарбекова пропорционально доле полученного ими наследства — $\frac{1}{4}$ и $\frac{3}{4}$.⁴⁸

Статья 23 Расправы расширяет толкование указа 28 августа 1700 г., предусматривая положение, когда беглые могут оказаться в вотчинах или поместьях, выделенных в качестве приданого при выдаче замуж девки или вдовы. В таком случае с приданных вотчин и поместий статья воспрещает «править денег за пожилые годы», предписывая отнести их на счет наследников, «кто останетца в достальных поместьях и вотчинах и в животах». Но если, говорится далее в статье, вдовы или девки выйдут замуж «сами с прожитки и с вотчины, и на таких за пожилые годы деньги править».⁴⁹ Юридическое основание такого решения вопроса крылось в том, что выдаваемая замуж девка или вдова не была наследницей и, следовательно, правопреемницей, а потому ответственности за прием беглых она не несла. Вышеприведенное спорное дело Хилкова как раз подходило под тот случай, когда вдова «сама» выходила замуж «с прожитки и с вотчины».

Сложнее регламентирует выплату пожилых денег приговор Палаты, вошедший в состав ст. 45 Расправы. Приговор касается случая, когда помещик или вотчинник поженит между собой проживающих у него беглых крестьянина и крестьянку, бежавших от разных владельцев. Тогда спор между претендентами на беглых должен решаться жеребьевкой. Что касается пожилых денег, то они взимаются хотя и в предусмотренных Палатой размерах, но на особых основаниях. Критерием в данном случае служит не время приема беглых, а время их женитьбы. Если помещик поженит беглых до нового Уложения, он обязан заплатить по 20 руб. за семью в год, если женит после нового Уложения, пожилые деньги взимаются в размере по 10 руб. с каждого члена семьи в год, начиная со времени прихода беглого в вотчину или поместье. В первом случае время прихода и женитьбы беглых приходится на период до нового Уложения. Во втором случае такого совпадения может не быть: беглые могли прийти до Уложения, а пожениться после него. В отношении выплаты пожилых денег ст. 45 устанавливает такой по-

⁴⁸ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 31.

⁴⁹ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 366.

рядок: независимо от того, кто получает по жеребью поживившихся беглых, тот ли, кому в прошлом принадлежал крестьянин, или тот, кому принадлежала крестьянка, — пожилые деньги выплачиваются владельцу мужской части семьи. Практически, таким образом, возможна ситуация, при которой крестьянина по жеребью получит один феодал, тот, которому принадлежала крестьянка, а пожилые деньги получит другой, как владелец крестьянина. Пожилые деньги за детей, прижитых теми же беглыми, устанавливаются в размере 10 руб. с ребенка и принадлежат тому, кто лишится крестьян в результате жеребевки.

В плане рассмотрения вопроса о беглых Палата коснулась имевшихся в практике случаев, когда феодалы отдавали беглых, находящихся у них, в счет даточных, причитавшихся с их вотчин и поместий. Статья 8 Расправы, состоящая из приговора Палаты, принятого при втором чтении ст. 16 (12) Наказа сыщикам 1683 г. и пополненного в третьем чтении, отменяет правило, установленное указом 31 марта 1663 г. и повторенное в ст. 16 (12) Наказа сыщикам: беглые крестьяне, отданные в даточные, по челобитью их владельцев подлежали возврату из полков, но при условии замены их другими даточными из крестьян тех помещиков и вотчинников, которые приняли беглых и направили их в полки.⁵⁰ Замена даточных в полках, видимо, наносила ущерб боевым качествам армии, и Палата отменила ее. Статья 8 устанавливает, что взятые взамен беглых «крепостные добрые крестьяне» с семьями и имуществом должны идти в возмещение ущерба, причиненного владельцам беглых. А беглые, отданные в даточные, остаются в полках. Решение Палаты, в соответствии с линией на усиление материальной ответственности за прием беглых крестьян, помимо отдачи «крепостных добрых крестьян», требует от лиц, отдавших беглых в даточные, выплаты за них пожилых денег.

Иначе Палата ставит вопрос о пожилых деньгах применительно к дворцовым крестьянам.

В ст. 4 Расправы повторяется норма о беглых, внесенная в указы писцам: «А пожилых денег на прошлые годы за дворцовых беглых крестьян на помещиках и вотчинниках так же и на дворцовых крестьян помещиком и вотчинником за их беглых крестьян не иметь».⁵¹

Что понимается здесь под прошлыми годами, вскрывает ст. 5 Расправы: «А будет впредь с сего Уложения беглых людей и крестьян и бобылей прикащики и старосты в дворцовую волость примут, и за тех людей и за крестьян зажилые деньги

⁵⁰ ПСЗ, I, № 333.

⁵¹ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 360.

имать на прикащиках и на старостах и на выборных крестьянх». ⁵² Таким образом, за прием беглых помещичьих крестьян в дворцовые волости и, наоборот, дворцовых крестьян в поместья и вотчины в период до нового Уложения пожилые деньги не взимаются ни с той, ни с другой стороны. Правило о пожилых деньгах вступает в силу лишь со времени принятия нового Уложения.

Вышеприведенная цитата из ст. 5 Расправы воспроизводит текст ст. 7 (4) Наказа сыщикам 1683 г. Эта статья запрещала сбор «наддаточных денег» за беглых крестьян с прикащиков, старост и крестьян дворцовых волостей за прошлое время, санкционируя эти сборы «впредь с сего великих государей указу», т. е. с 1683 г. Палата, воспроизведя эту норму, заменила слова «с сего великих государей указу» словами «с сего Уложения» и тем самым распространила действие закона на иной период. Принятие нового Уложения внесло бы, следовательно, существенные изменения в порядок сбора пожилых денег в период времени с 1683 г.

Статьи 4 и 5 Расправы следует сопоставить с ее ст. 17, которая устанавливает взаимные расплаты помещиков и вотчинников за прием беглых крестьян не только после нового Уложения, но и в случае принятия беглых в прошлом. Так как поток беглых крестьян из поместий и вотчин в дворцовые и чернососшные волости превышал обратный поток перехода дворцовых и чернососшных крестьян в поместья и вотчины, нормы ст. 4 Расправы следует рассматривать как попытку Палаты поставить дворцовые и чернососшные земли в более выгодные условия.

Пожилые деньги за держание беглых не служат в Расправе единственной санкцией материального порядка. Расправа знает систему штрафов или пени, которые налагаются при определенных условиях не только на помещиков и вотчинников, но и на других лиц.

В наиболее общей форме закон о материальных санкциях за держание беглых сформулирован в ст. 12, источником которой служил приговор Палаты, принятый при обсуждении ст. 6 XI главы Уложения 1649 г. Сама же ст. 6 XI главы составила содержание предшествующей ст. 11 Расправы. Таким образом, смысл ст. 12 может быть выяснен лишь в сопоставлении со ст. 11. Статья 11, как мы указывали, воспроизводит ст. 6 XI главы Уложения, а ст. 6 принадлежит к числу тех первых статей XI главы 1649 г., которые имеют в виду бегство крестьян в период до Уложения 1649 г. Все эти статьи Уложения не накладывают каких-либо материальных взысканий на лиц,

⁵² Там же.

принявших беглых крестьян до Уложения. В том числе ст. 6 XI главы Уложения в интересующем нас отношении освобождает держателя беглых от уплаты «государевых поборов» по переписным книгам, перелагая поборы на тех вотчинников и помещиков, кому беглые будут возвращены.

Палата, воспроизведя ст. 6 XI главы Уложения, отнесла ее также к прошлому времени, но уже, естественно, к другому периоду, к периоду до нового Уложения. А это меняло ее смысл. Ведь, согласно ст. ст. 6 и 17 Расправы, пожилые деньги за держание беглых полагались и за прошлое время: если беглые приняты до 1661 г. — по 10 руб. за крестьянина или бобыля в год, а если приняты после 1661 г. до нового Уложения — по 20 руб. в год. Как понимать в таком случае требование ст. 11 Расправы не брать «государевых поборов» с помещиков и вотчинников, принявших беглых, условно говоря, до 1700 г.? На наш взгляд, только так: в Расправе в состав пожилых денег «государевы поборы» не входят. Ниже мы подкрепим нашу мысль другими наблюдениями. Но и теперь это станет в значительной мере бесспорным, если сопоставить ст. 11 со следующей за ней ст. 12, представляющей собою своеобразную антитезу ст. 11. В ст. 12 указано: «А буде кто чюжих беглых учнет за собою держать, и на них сверх указных зажилых лет и помещиковых доходов за всякие государевы подати править против указу с переписных книг 184[1675/76]-го и 186[1677/78]-го годов для того: не держи за собою чюжих беглых».⁵³ Палата в отношении будущего времени вводила, следовательно, новую норму: править государевы подати с держателей беглых сверх пожилых денег, притом по переписным книгам 1676 и 1678 гг., исчисление по которым было наибольшим. Мотивировка санкции «не держи за собою чюжих беглых» показывает, что эта мера мыслилась как мера наказания за прием беглых.

В следующей ст. 13 точно так же государевы подати за беглых крестьян, отданных в даточные, упоминаются наряду с пожилыми деньгами и помещичьими доходами.

Одним из средств, употребляемых феодалами с целью закрепить беглых крестьян и холопов, была выдача беглым ссуд под ссудные записи и служилые кабалы.

Такие попытки закрепить беглых решительно пресекаются в Расправе ст. 35. Повторяя ст. 23 XI главы Уложения, указанная статья предписывает отказывать таким помещикам и вотчинникам в исках «по ссудным кабалам и по всяким крепостям» после изъятия у них беглых и возвращения их на прежние

⁵³ Там же, стр. 362—363.

места. Мотивировка закона обычна: «не принимай чужих крестьян и бобылей и не давай им ссуды».⁵⁴ Такое определение Палаты было не более как разновидностью материальных санкций, направленных против попыток закабаления беглых крестьян. Что же касается значительно распространенной практики закабаления крестьянства путем выдачи ссуд под заемные кабалы, то в этом случае Палата не только не ограничивала широкого аппетита феодалов, но предприняла шаги для обеспечения им неограниченных правовых возможностей укрепления крепостной неволи путем выдачи денежных ссуд под заемные кабалы. В данном отношении ярким примером может служить результат обсуждения в Палате ст. 256 X главы Уложения 1649 г., которая устанавливала 15-летний срок исков по заемным кабалам: «А давати по заемным кабалам суд в пятнадцать лет, а сверх пятнадцати лет в заемных деньгах по кабалам суда не давати». Палата отклонила эту статью, заменив ее своим приговором: «В Полате говорили: сю статью отставить, а быть заемным кабалам и крепостям без урочных лет для того, что в займех по крепостям во многие годы многие сроки проходят от заимщикова же неплатежу и от скудости и ото многова их же в тех сроках прошенья».⁵⁵

Попытка отмены урочных лет для исковых челобитных о невозврате ссуд по заемным кабалам была попыткой крупной реформы в интересах господствующего класса. И хотя значение этого мероприятия несколько шире только крестьянской стороны дела, тем не менее антикрестьянский, крепостнический характер подобного рода попытки совершенно очевиден и не требует доказательств. Закон оказался повернутым против кабальных должников, каковыми в подавляющем большинстве в отношении землевладельцев были крестьяне, бобыли и захребетники. Устранение сроков иска по делам о заемных деньгах сделало бы кабальную неволю в условиях невозможности выплаты денег, как указано в приговоре — за «скудостью» должника, пожизненным институтом до смерти кредитора или самого должника.

Особый случай наложения взыскания предусматривает приговор Палаты, вошедший в состав ст. 37 Расправы. Здесь наказание следует за «запирательство» в допросе о беглых, в то время как беглые будут обнаружены у привлеченного к допросу лица. В таком случае с него следуют пожилые деньги по 10 руб.

⁵⁴ Там же, стр. 369.

⁵⁵ ЦГИАЛ, ф. 1255, «Протокол о слушании в Палате Уложения гл. 10», л. 18 об. Сведения о составе материалов по X главе Уложения в фонде Палаты см. в сноске на стр. 52 данной работы.

за «всякую голову, за мала и за велика», «да за государевы подати, что за них платежу сойдет, вдвое». Здесь государевы подати, в двойном размере, определены опять-таки сверх пожилых денег. Но этого законодателю показалось мало: «А за то, что они, ответчики, о таких беглых запирались, сверх того на них же, ответчиках, имать на великого государя пени по пятидесят рублев. А тех беглых крестьян отдавать истцам по крепостям».⁵⁶

Итак, за запирательство в держании беглых Палата определяла дополнительно высокие пени в пользу государства. Данный приговор наиболее ярко отражает линию Палаты на резкое усиление материальной ответственности за прием беглых крестьян и бобылей. Так обстояло дело в случае ложных показаний на допросе о беглых. Ну, а если при судебном споре дошло «до веры», т. е. до крестоцелования, и оно будет ложным? В таком случае Палата признавала недостаточными санкции материального порядка. Впрочем, и Уложение 1649 г., предусматривая подобную ситуацию, определяло в ст. 27 XI главы за ложное крестоцелование в допросе о беглых не штраф, а торговую казнь — битье кнутом «по торгом по три дни» и тюремное заключение на год.

Палата отклонила ст. 27 XI главы, а вместо нее под ст. 39 включила в Расправу указ из Разряда 27 февраля 1697 г. о смертной казни за ложное крестоцелование.⁵⁷ Распространение санкции указа 1697 г. на случай показаний под клятвой о беглых крестьянах показывает, какое политическое значение, вслед за правительством, придавала Палата попыткам нарушения крестьянской крепости на рубеже XVII и XVIII вв. Более того, в одном из толкований указа 27 февраля 1697 г. применительно к случаям ложных показаний о беглых крестьянах Палата вложила в него более широкий смысл, выходящий за рамки «святоотатственного» нарушения клятвы, данной под крестоцелованием. При рассмотрении ст. 25 (21 и 22) Наказа сыщикам, требующей «чинить указ по Уложению, как указано чинить за лживые обыски» в отношении тех, кто «даст сказку, что беглых людей и крестьян за ним нет, а после тех сказок беглые люди и крестьяне за ним сыщутся», была использована справка из ст. 162 X главы Уложения: «за лживые обыски велено имать пени с стольников и стряпчих и з дворян московских и жильцов и з городовых дворян и детей боярских по 30 рублев с человека». Палата отставила эту справку, мотивировав тем, что «за лживые сказки не токмо что кто, держав за собою крестьян,

⁵⁶ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 370.

⁵⁷ ПСЗ, III, № 1572.

утаит и скажет ложно, и в свидетельстве кто скажет ложно, положена по указу 205 [1697] году смерть».⁵⁸

Большая ответственность за прием и держание беглых крестьян и бобылей возлагается Палатой на местное управление — воевод, приказных людей и бурмистров. Статья 3, регламентирующая, как отмечалось выше, сыск беглых в городах по «черте», категорически воспрещает прием беглых «впредь с нынешнего Уложения» не только по «черте», но и в городах вообще, возлагая ответственность на воевод, приказных людей и бурмистров. В случае нарушения этой заповеди статьей определены в отношении указанных лиц следующие санкции: 1) наказание, 2) «да на них же имать пени по сту рублей», 3) «да на них же за прием беглецов... указывать зажилые деньги по указу».⁵⁹

Указ 8 февраля 1683 г., служивший основным источником ст. 3 Расправы, как и его повторение в статьях сыщикам 1698 г., не определяет размера пени с воевод и приказных людей за прием беглых: «имать пени по скольку с кого великий государь укажет». Максимальные пени были установлены указом 8 сентября 1665 г. в размере 50 руб. за прием беглых в дворцовые слободы Москвы после 1 сентября 1665 г. и повторены в указе 8 июня 1686 г. о приеме беглых на посад Костромы.⁶⁰ Однако к 1700 г. действующим было правило взимания денег «за пожилые годы» в размере 20 руб. в год за каждого семейного и одинокого беглого крестьянина. Новый размер пени в 100 руб. впервые определен приговором Палаты.

Следует подчеркнуть, что пени с воевод, приказных людей и бурмистров устанавливались Палатой сверх сбора пожилых денег, которые в свою очередь были повышены.⁶¹ Запрет принимать беглых «впредь с нынешнего Уложения» и наложение повышенного взыскания за его нарушение устанавливаются ст. 3 как мера общая в отношении всех городов, не только пограничных. В этом убеждает не только характер формулировки соответствующей клаузулы ст. 3, но и приговор Палаты, вошедший в состав ст. 16 Расправы. Приговор Палаты гласит: «А после того указу 193-го году (указ 17 декабря 1684 г., — А. М.) и за прием беглых людей и крестьян старостам и выборным людям чинить тож, что велено чинить воеводам и приказным людям по четвертой статье. А буде на старостах взять будет нечего и

⁵⁸ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 47 об.

⁵⁹ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 359.

⁶⁰ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. I, лл. 4 об., 5 об.

⁶¹ См. стр. 27—28 настоящей статьи.

то править по выбору на тех людех, кто их в старосты выбирали».⁶²

В данном приговоре непонятна ссылка на «четвертую статью». В ст. 4 говорится о наказании кнутом приказных людей дворцовых сел, земских старост и посадских людей городов за прием беглых людей и крестьян после заповедных грамот 1658 г. Воеводы в ст. 4 не упомянуты. С другой стороны, приговор Палаты явно имеет в виду санкцию материального порядка: «А буде на старостах взятъ будет нечего — и то править» и т. д. Словом, нам представляется, что ссылка на ст. 4 в данном случае является опiskeй. Составители бесспорно имели в виду ст. 3, где как раз говорится о воеводах и приказных людях и о денежном штрафе. Подтверждением нашей мысли может служить еще одно обстоятельство. Ссылка на ст. 4 вписана в текст ст. 16 Расправы на место стерттого слова. Стерттого слова не разобрать, но так как в данном месте ст. 16 воспроизведен приговор Палаты, принятый во втором чтении, то обращение к материалам второго чтения дает возможность установить, что первоначально было указано «по второй статье». Действительно, под ст. 2 XI главы Уложения Палатой были рассмотрены как интересующие нас материалы, вошедшие в состав ст. 3 Расправы, в том числе приговор о сторублевых пенях с воевод и приказных людей, так и вышеприведенные материалы ст. 4. Последние, однако, не являются установлением самой Палаты, а принадлежат ст. 6 (4) Наказа сыщикам 1683 г. Если бы Палата имела в виду именно ст. 6 Наказа, а не свой приговор о сторублевых пенях, то отсылка носила бы иной характер. «Старостам и выборным людям чинить тож, что велено чинить воеводам и приказным людям» — такая клаузула едва ли может вызвать сомнение в том, что имеется в виду решение самой Палаты, которое и выражено в приговоре о сторублевых пенях.

Словом, если наше предположение, что в ст. 16 следует иметь в виду отсылку на ст. 3 вместо указанной там ст. 4 справедливо, то отсюда следуют два вывода. Палата расширяла круг лиц из числа местной администрации, на которых распространялось ее решение о сторублевых пенях за прием беглых крестьян и бобылей. К воеводам, приказным людям и бурмистрам добавлялись земские старосты и выборные люди посадов. Второй вывод сводится к тому, что Палата придавала своему приговору обратную силу, распространяя его действие на прошлое время, т. е. на время после 1684 г. Попытка возложить столь высокую материальную ответственность на посадские

⁶² Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 364.

власти за прием крестьян в посады после 1684 г. подчеркивает непримиримость позиции авторов Расправы в отстаивании интересов крепостников. Приговор о сторублевых пенях имеет, таким образом, широкое значение. Его не следует ограничивать рамками борьбы только с бегством крестьян на «черту». Однако нахождение его в составе именно ст. 3, регламентирующей сыск беглых в городах по «черте», может говорить лишь о том, что Палата имела в виду использовать новый закон прежде всего в борьбе против бегства крестьян в южные пограничные районы и тем самым решительно воспрепятствовать отливу крепостного населения из центральных уездов. Это обстоятельство особо оттеняет ранее высказанную мысль об отходе Палаты от политики компромисса в вопросе закрепления беглых крестьян за пограничными городами.

Итак, мы полагаем, что ссылка на ст. 4 в тексте ст. 16 Расправы есть описка. Тем не менее ст. 4 имеет также отношение к рассматриваемому здесь вопросу. Воспроизводя ст. 6 (4) Наказа сыщикам, ст. 4 устанавливает для приказных людей дворцовых сел и черных волостей, земских старост и посадских людей городов и для старост ямских слобод наказание кнутом за прием беглых людей и крестьян после заповедных грамот 1658 г.⁶³ Из лиц, на которых правило ст. ст. 3 и 16 распространяло взимание сторублевых пени, в ст. 4 упомянуты только приказные люди и земские старосты, т. е. низшие разряды выборных и назначаемых для управления людей. Но как раз упоминание земских старост, как и посадских людей, осталось в ст. 4, видимо, по недосмотру редакторов Расправы, так как подобная ситуация явно противоречит ст. 16 Расправы, устанавливающей наказание за прием крестьян в посады только после 1684 г. Упоминание в Наказе сыщикам 1683 г. посадских людей наряду с ямскими старостами и дворцовыми приказчиками было вполне правомочным, так как в 1683 г. еще не было указов, выделявших приписку крестьян к посадам после 1649 г. в самостоятельный правовой вопрос. Иначе следует подходить к Расправе. Она опирается на указ 19 октября 1688 г., который явился синтезом предшествующего законодательства о приписке крестьян к посадам. Поэтому ст. 6 (4) Наказа в составе Расправы в таком непрепарированном виде следует рассматривать или как свидетельство противоречивости законодательства XVII в., или как результат недосмотра составителей Расправы.

Другое дело — приказные люди (приказчики) дворцовых и черных земель и старосты ямских слобод. Правило ст. 6 (4) Наказа сыщикам в отношении их могло оставаться в силе, так как

⁶³ Там же, стр. 360.

ничего нового в законодательстве до конца XVII в. не появилось. Сюда же следует присоединить приказчиков частновладельческих поместий и вотчин. Основной санкцией против этой категории лиц в случае их виновности в приеме беглых было телесное наказание. Ст. 6 Расправы, воспроизводя норму указа 23 марта 1698 г., предписывает: «А за прием беглых людей и крестьян дворцовых волостей и патриарших, и митрополичьих, и архиепископских, и епископских, и монастырских вотчин, и бояр, и окольных, и думных и ближних людей приказчиком чинить наказанье ж, бить кнутом».⁶⁴ Эта общая норма уточняется ст. 4 в отношении приказчиков дворцовых волостей: бить кнутом только в случае приема беглых после заповедных грамот 1658 г.

Определение телесного наказания приказчикам не снимало вопроса о материальных взысканиях с них, так как важнейшим предметом забот Палаты было возмещение материального ущерба, нанесенного бегством крестьян как феодалу, так и государственной казне. Интересы последней ставились обычно на первое место. Мы знаем, что та же ст. 4 Расправы отменяет сбор пожилых денег за прием дворцовых крестьян с помещиков и за прием помещичьих крестьян с дворцовых крестьян в период до нового Уложения. Особая оговорка ст. 4 касается приказчиков дворцовых волостей: за крестьян, принятых в дворцовую волость до 1683 г., «наддаточных денег не иметь».⁶⁵ Эта часть ст. 4 Расправы воспроизводит часть ст. 7 (4) Наказа сыщикам 1683 г., которая в свою очередь передает указ 1683 г. Зато ст. 5 Расправы, воспроизводя вторую часть ст. 7 (4) Наказа сыщикам, предписывает взимать пожилые деньги с приказчиков дворцовых волостей в случае приема беглых «впредь с сего Уложенья». Определяя санкции в отношении частновладельческих приказчиков, Палата исходила из их подчиненного положения. Она учитывала возможность приема ими беглых по приказанию господина. В данном отношении большой интерес представляет ст. 18 Расправы.⁶⁶ Она пытается разобраться, при каких обстоятельствах приказчики принимают беглых крестьян и бобылей. В зависимости от этого определяется степень их вины и мера наказания. Статья предусматривает ситуацию,

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же — Наддаточные деньги то же, что и пожилые, но в удвоенном размере, установленном после отмены взимания наддаточных крестьян по указу 3 января 1683 г. Следующая ст. 5 в том же смысле вместо «наддаточные деньги» употребляет термин «зажилые деньги».

⁶⁶ Анализ ст. 18 см. выше, стр. 29—31.

когда приказчики при допросе «положат» письма, полученные ими либо от «людей их вотчинников», либо от самих вотчинников. В случае если предъявленные письма будут подписаны помещиками и вотчинниками или в результате сыска подтвердится, что они «принимали беглых крестьян по приказу помещиков своих», пожилые деньги взыскивать с помещиков, а приказчикам «наказанья не чинить».⁶⁷ Но возможно иное положение: приказчики станут утверждать, что «тех крестьян принимали они по приказу помещиков своих», но «писем от тех помещиков своих они не положат» или предъявят письма, но недействительные: «без рук тех их помещиков». Тогда по приговору Палаты с приказчиков должны быть взысканы пожилые деньги «против указу». Если же окажется, что «взять на них нечево, и тем приказчиком чинить наказанье, бить кнутом». Статья 18, таким образом, телесное наказание приказчиков за прием беглых ставит в зависимость от имущественного достатка самих приказчиков. Легко заметить, что в данном вопросе ст. 18 никак не вяжется с безоговорочным требованием ст. 6 о наказании приказчиков кнутом. Нам представляется, что снять это противоречие можно только при рассмотрении вопроса в аспекте прошлого и будущего времени. Статья 6 говорит о прошлом, т. е. о периоде до нового Уложения. Статья 18 в части приговоров Палаты имеет в виду будущее время, т. е. период после нового Уложения. Оставляя обычно для периода до нового Уложения нормы существующих указов в неизменном виде, Палата нередко дополняла и меняла их в тех случаях, когда нарушение законов предполагалось в будущем, т. е. после принятия нового Уложения. Это же самое следует видеть в данном случае. Смысл изменения характера санкций против приказчиков за прием в будущем беглых без приказа господина сводится к попытке замены телесного наказания материальной ответственностью. Реальным основанием такой перемены могут служить мотивы экономического и классового характера. Значительное возрастание роли денежного хозяйства к началу XVIII в., все более втягивавшего в свое русло поместья и вотчины, приводило к усилению заинтересованности помещиков в возмещении причиненных им убытков побегами крестьян именно в материальной, и прежде всего денежной, форме.

С другой стороны, с развитием поместного и вотчинного землевладения часть приказчиков вотчин крупных феодалов экономически и идеологически все более смыкалась с господствующим классом, превращаясь в помещиков и мелких вотчин-

⁶⁷ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 364, 365.

ников. Ограждение классовых привилегий нарождающейся прослойки феодалов, естественно, входило в сферу внимания крепостнического законодательства. Лишь в отношении приказчиков, еще не успевших обзавестись имуществом в надлежащем размере, Палата сохраняла телесное наказание, которое без каких-либо исключений осталось уделом крепостных крестьян.

Так, спускаясь по социальной лестнице при рассмотрении вопроса о наказании за прием и «предержательство» беглых людей и крестьян, мы подошли к ее низшей ступени — крестьянству. Положение здесь коренным образом менялось. Крестьянин выступал перед законом в двух ипостасях — он был ответственен за совершение побега и он же (о чем речь будет ниже) отвечал за прием беглых собратьев по классу. Выше было обращено внимание на то, что помещик предпочитал получить с принявшего беглых приказчика возмещение убытка в материальной форме, нежели исполосовать его спину кнутом. Иначе ставился вопрос о крестьянстве. Отношение к крестьянину диктовалось классовыми соображениями. Имущество крепостного крестьянина номинально принадлежало помещику и вотчиннику. Беглого крестьянина всегда возвращали на прежнее место с его имуществом. Экономической заинтересованности феодала в присвоении имущества крестьянина, как правило, не существовало. Другое дело — рабочие руки крестьянина. Эксплуатация крестьянского труда приносила неизмеримо больший экономический эффект, чем могли дать все пожитки крестьянина. Но эксплуатация крестьянского труда возможна была только при условии обеспечения крестьянина земельным наделом и необходимым инвентарем. Такая неразрывность крестьянина и его хозяйства была необходимой предпосылкой для законодательства XVII в., в том числе и для Расправы. Поэтому в феодальном обществе во всех случаях, в том числе в области борьбы с крестьянскими побегам, на первое место выдвигалось не экономическое воздействие на крестьян, а внеэкономическое принуждение.

Все сказанное нашло не только отражение, но и значительное развитие в указах второй половины XVII в. и получило свое логическое продолжение в Расправе.

Важнейшим вопросом законодательства второй половины XVII в. был вопрос о наказании крестьянина за побег. Уложение 1649 г. не знало наказания беглого за самый факт побега. После Уложения наказание за побег впервые встречается в грамоте 1658 г. нижегородскому воеводе Бутурлину — бить кнутом тех, кто бежал «разоря помещиков»; смертная казнь назначалась за пожег помещичьего дома и за убийство самого поме-

щика, либо членов его семьи.⁶⁸ В наказе того же 1658 г. сыщику Д. И. Плещееву определено наказание кнутом или батогами каждого пятого беглого крестьянина за сам факт побега безотносительно к разорению поместья и убийству помещика.⁶⁹ Та же норма содержится в грамоте 1664 г. новгородскому воеводе И. Репнину.⁷⁰ Требование наказания за побег без определения вида наказания содержится и в Наказе сыщикам 1683 г.⁷¹ Куда более резкая и определенная формулировка наказания крестьянина за побег принадлежала указу 8 февраля 1683 г. о порядке сыска и возвращения беглых крестьян из городов по «черте»: «А беглых холопей и крестьян велено отдавать по крепостям помещиком и вотчинником, учиня им за тот побег жестокое наказанье, бить кнутом нещадно, чтоб впредь и иным неповадно было воровать и от помещиков и от вотчинников бегать».⁷²

Указ 1683 г. квалифицирует побег крестьянина как преступление, носящее политический характер, что нашло отражение в употреблении в данной связи термина «воровать». Палата восприняла и закрепила указанную квалификацию побега крестьянина, полностью повторив в ст. 3 Расправы формулировку указа 1683 г. о жестоком наказании кнутом за побег.⁷³ Однако только этим Палата не ограничилась. Она пошла дальше, поновому поставив вопрос о наказании крестьянина за побег. С классовых позиций крепостников Палата значительно заострила квалификацию преступления беглых крестьян. В ст. 18 содержится такое требование: «А беглым людем и крестьяном и бобылям за побег и за то, что они меж помещиков и вотчинников чинили ссоры и разорения, у отдачи чинить наказанье, бить кнутом нещадно».⁷⁴ Палата не ограничилась однократным определением этой санкции в ст. 18 и повторила ее еще раз в ст. 35.⁷⁵ Комментируя этот приговор Палаты, принятый ею при чтении ст. 10 и 23 XI главы Уложения 1649 г., С. Н. Валк справедливо отметил, что «крестьянину здесь приходилось расплачиваться за ту внутриклассовую борьбу, которая шла между помещиками и вотчинниками в их стремлении заполучить рабочие руки».⁷⁶

⁶⁸ ПСЗ, I, № 220.

⁶⁹ ДАИ, IV, № 48.

⁷⁰ Там же, I, № 364.

⁷¹ ПСЗ, II, № 998, ст. 34.

⁷² ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 66.

⁷³ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 359.

⁷⁴ Там же, стр. 365.

⁷⁵ Там же, стр. 369.

⁷⁶ С. Н. Валк, ук. соч., стр. 237.

Приглядимся пристальнее к редакции приговора Палаты. Наказание определяется в нем прежде всего за факт побега, который сам по себе уже был нарушением заповеди крепостного права. Побег был не только нарушением основного принципа права о прикреплении крестьян, но имел еще два весьма крупных последствия — одно политического, другое экономического свойства. Палата впервые в истории крепостного законодательства приняла во внимание оба эти последствия и даже делала на них определенный акцент. Последствие политического характера состояло в том, что побеги крестьян вызывали внутренние распри в лагере феодалов, усиливали противоречия между отдельными его группами, прежде всего между крупными землевладельцами — боярством и мелким служилым как московским, так и городовым дворянством. В конечном итоге такое противоречие наносило урон политическому единству господствующего класса, ослабляло его силу. Последствие экономического свойства связано с тем, о чем шла речь выше — с потерей возможности эксплуатации бежавшего крестьянина. В Расправе это квалифицируется как «разорение». Экономические последствия побегов крестьян были наиболее ощутимы среди мелкопоместных дворян.

Наибольшее значение Палата придавала политическим последствиям побегов. Они касались класса феодалов в целом, а не отдельных его групп и не отдельных представителей. Политические последствия в рассматриваемой нами формуле ст. 18 поставлены прежде последствий экономических: «за побег и за то, что они меж помещиков и вотчинников чинили ссоры и разорения». А в ст. 35, содержащей повторение санкции, указано только политическое последствие: «А за побег и за то, что тот крестьянин или бобыль меж помещики и вотчинники учинил ссору, учинить ему наказанье, бить кнутом».⁷⁷ Указания на разорение здесь нет.

Наконец, бросается в глаза, что клаузула о наказании крестьян и бобылей за побег и за его последствия вовсе не связана непосредственно с предметом ст. 18 Расправы, которая посвящена установлению норм взыскания за прием беглых. Таким же образом аналогичное решение Палаты не имеет никакого отношения к предмету ст. 35, говорящей о незаконных действиях тех лиц, которые, пытаясь закрепить за собой беглых, «возьмут на них кабалы или записи во многой ссуде». Палата тем не менее и здесь сочла необходимым дать приговор, карающий крестьянина как за факт побега, так и за то, что его побег вызвал внутренние распри в лагере феодалов. Само по себе это обстоя-

⁷⁷ Разрядка наша, — А. М.

тельство весьма характерно. Оно лишней раз показывает, каким тяжелым гнетом легли бы на плечи крестьянства постановления Палаты, отражая общий рост закрепостительных тенденций в конце XVII в.

Побег крестьян обычно сопровождался стремлением бежавших укрыться от сыска. Наиболее распространенными приемами в таких случаях были составление фиктивных отпускных грамот, перемена имен беглецов и заpirationательства последних при допросах, сводящиеся главным образом к утайке «прямых своих помещиков и вотчинников». Все эти обстоятельства, с которыми приходилось сталкиваться сыщикам беглых крестьян, были уже предусмотрены законодательством второй половины XVII в. и составили содержание ст. ст. 22 (18) и 48 (42) Наказа сыщикам 1683 г. Обе статьи Наказа включены Палатой в Расправу, в ст. ст. 32 и 34. Первая из них за составление «воровской отпускной» определяет виновному лицу наказание кнутом. Если подложную отпускную составит тот, кто принял беглого, то сверх наказания кнутом на него налагаются пожилые деньги. Оставив прошлые определения в неизменном виде, Палата расширила действие статьи, предусмотрев в ней причастность к составлению фиктивных отпускных третьих лиц и наложив на них аналогичное взыскание. К ст. 32 примыкает ст. 34, которая предусматривает тот же случай перемены беглыми имен себе и отцам, в результате чего имена не сойдутся с теми, под которыми беглые значатся в писцовых и переписных книгах. Статья 34 оставляет в данном случае неизменным требование Наказа сыщикам — применить розыск и допрос, а «буде сыскать нечим, и их в том воровстве пытаться». К этой части Палата сделала от себя существенное добавление, значительно расширившее объем розыска: «А пытаться их, розыскивая отцы и матерями и сродники».⁷⁸ С практикой фиктивных отпускных, составляемых самими беглыми крестьянами, связано их стремление выдать себя за свободных людей и этим облегчить переход в то же крепостное, либо холопское состояние в поисках лучшей доли у другого хозяина. Однако всякая попытка крепостных крестьян и кабальных людей, в каком бы виде она не предпринималась, выдать себя за вольных людей решительно пресекалась приговором Палаты.

Отрицанием крестьянской и бобыльской свободы проникнуты все статьи Расправы, предусматривающие лишь одно зависимое крепостное состояние. С предельной ясностью это выражено прежде всего в самом заглавии новой XI главы: «По допросом против крепостей Росправа о крестьянех». Из названия

⁷⁸ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 363.

следует, что все крестьянство мыслилось связанным с крепостным состоянием. В то время как XI глава Уложения 1649 г., имевшая название «Суд о крестьянех», была еще обращена одной своей стороной к миру, находившемуся за чертой крепостных отношений (ст. ст. 20 и 21 этой главы признавали наличие вольных людей и крестьян), то в Расправе никакой отдушины уже нет и круг окончательно замкнулся. В ней признается только крепостное состояние. Во всей Расправе есть только один пункт в составе ее ст. 6, заимствованный Палатой из ст. 7 (4) Наказа сыщикам, которым допускается прием помещиками крестьян и бобылей по отпускным грамотам: «А которые люди и крестьяне и бобыли придут от помещиков и отчинников с отпускными, и тех людей и крестьян и бобылей принимать и записывать в книги, и писать об них в те приказы, где надлежат».⁷⁹

Смысл этого установления ясен. Палата признавала выдачу отпускных крестьянам, бобылям и холопам, но рассматривала отпускные лишь как необходимое документальное основание для оформления новой неволи, как свидетельство того, что вступающий в зависимость от нового хозяина крепостной или холоп не узурпировали свою свободу, а получили ее «законно». В таком случае сама свобода крестьянина и холопа тонималась Палатой как явление сугубо временное и переходное. Чисто юридический и служебный характер отпускных ясен из частного случая их применения, предусмотренного ст. 31 Расправы. Повторяя ст. 19 XI главы Уложения 1649 г., ст. 31 предписывает в случае выдачи девок или вдов замуж на сторону «давать отпускные за своими или за отцов своих духовных руками впредь для спору».

Наиболее ярко отрицание крестьянской свободы проявилось в отношении Палаты к упомянутым выше ст. ст. 20 и 21 XI главы Уложения 1649 г.

Статья 20 говорила о приеме людей, которые, придя в чью-либо вотчину или в поместье, «скажутся, что они вольные, и похотят те люди за ними жити во крестьянех или в бобылях». Статья 21 предусматривала случай, когда такой пришлый человек, сказавшийся вольным, окажется «чужим крестьянином и бобылем». Статья 20 была отклонена Палатой уже в первом чтении: «В Полате говорили: сию статью отставить, а быть по нынешнему государеву указу и по Уложению». Как показывают материалы фонда Палаты, при выработке новой XI главы Палата далеко не во всех случаях могла определить свое отношение к законодательному материалу прошлого уже в пер-

⁷⁹ Там же, стр. 361.

вом его чтении. Не вызывающий никаких сомнений в своей определенности отвод ст. 20 показывает, что Палате с первого взгляда была очевидна непригодность нормы ст. 20 в условиях новой крепостнической политики правительства. При втором чтении приговор по ст. 20 оставлен в неизменном виде, но к нему добавлена мотивировка. Она-то как раз и представляет исключительный интерес: «В Полате говорили: сию статью отставить, а быть по нынешнему государеву указу и по Уложению для того, что после первого Уложения таких свободных опричь церковников никого нет».⁸⁰ На тех же основаниях отклонена рассмотренная вслед за ст. 20 ст. 13 (8 и 9) Наказа сыщикам 1683 г. Статья Наказа допускала прием в крестьяне и бобыли тех пришлых людей, которые скажутся «вольными», если их вольное состояние будет доказано в результате допроса и сыска.⁸¹

Статья 21 XI главы Уложения 1649 г. отклонена Палатой с аналогичной же мотивировкой: «В Полате говорили: сию статью отставить для того, что опричь церковников вольных ныне нет. А хто таких держав себя приведет к записке, и на таких за государевы подати и за помещиковы доходы и за пожилые годы о деньгах чинить указ по нынешнему Уложению».⁸² Смысл санкции, следующей за мотивировкой отвода ст. 21, ясен: прием лица, выдавшего себя за вольного, но оказавшегося (а Палата допускает только этот вариант) чьим-либо крепостным, карается в той же мере, в какой карается прием беглого крепостного. С. Н. Валк справедливо заметил по поводу мотивов отклонения ст. 20 XI главы Уложения, что «такое утверждение Палаты исторически совсем не соответствовало точному смыслу ею же отвергаемой статьи Уложения, согласно которой вольные люди не только существовали, но Уложением именно и устанавливались те условия, при которых было возможно их превращение в чьих-либо крестьян и бобылей».⁸³ В самом деле, немалое число не связанных крепостным законом «гулящих людей» бродило по бескрайним просторам русской земли. Их существование предусматривалось законом и не только Уложением. Статья 13 (8 и 9) Наказа сыщикам 1683 г. совершенно в духе Уложения допускала прием на службу и на работу выдававших себя за вольных людей после проверки их юридической свободы. Чем же в таком случае было вызвано исторически неверное толкование прошлого? Не подлежит никакому сомнению, что в «утверждении Палаты

⁸⁰ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 35.

⁸¹ ПСЗ, II, № 998, ст. 8 и 9.

⁸² ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, л. 40.

⁸³ С. Н. Валк, ук. соч., стр. 236.

истолкование прошлого отражало политику настоящего». ⁸⁴ С. Н. Валк в этой связи обратил внимание на то, что в то же самое время, когда начала функционировать Палата, т. е. в феврале 1700 г., был принят указ, по которому отпускаемых на волю людей и крестьян надлежало направлять с отпускными в Приказ холопья суда. В Приказе тех, «которые годятся в службу», брали в солдаты, а негодным к солдатской службе указ предписывал «давать из Приказу холопья суда на кабальных людей кабалы, а на крестьян ссудные записи, к кому они итти похотят». ⁸⁵ Деятельность Палаты отражала, следовательно, линию правительства на полное закрепощение крестьянства и других беднейших слоев населения. Именно в этом крылась причина того, что Палата желаемое выдавала за действительное.

Однако практическим следствием политической доктрины отсутствия свободных крестьян и бобылей явились приговоры Палаты о наказании холопов и крестьян за попытку выдать себя вольными людьми.

Статья 6 XX главы Уложения 1649 г. предписывает возвращать к прежним владельцам крестьян и бобылей, давших на себя в бегах служилые кабалы. При этом никакого наказания за выдачу себя вольными людьми с целью оформления кабальной зависимости для таких беглых крестьян в статье не положено. Рассмотрев эту статью, Палата радикально изменила положение дела: «В Палате говорили: которые крестьянские и бобыльские дети назовутца вольными, и за то им чинить наказанье, бить кнутом и отдавать помещиком по крепостям». ⁸⁶ Другим следствием той же доктрины отсутствия свободных крестьян и бобылей явилось стремление Палаты ограничить передвижение крепостного населения деревни. Эта тенденция получила отражение в законодательном ограничении возможности найма крепостных людей путем введения более жестких условий оформления найма и резкого сокращения срока службы. При выработке ст. 43 Расправы Палата сохранила в отношении прошлого времени норму ст. 32 XI главы Уложения, предоставлявшей «всяких чинов людем» свободное право найма на работы владельческих крестьян и бобылей «по записям и без записей», но при условии «жилых и ссудных записей и служилых кабал на их не имать и ничем их себе не крепить». Зато приговор Палаты, образующий вторую часть ст. 43 Расправы, в духе усиления крепостнических отно-

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ ПСЗ, IV, № 1747.

⁸⁶ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 3, л. 244 об.

шений значительно ограничивал возможности найма крепостных крестьян в будущем: «А впредь с сего Уложенья не только чьих беглых людей и крестьян и бобылей в работу к себе принимать и за собою держать, и в пастушню и в работу принимать только на одно лето, или на зиму с поручными записями или без записей, с ручными добрыми поруками при свидетелях. А буде похочет его нанять и на другой год, и ево потому ж нанимать с поручными записями, или с ручными добрыми ж поруками и свидетели. А буде хто таких пастухов из дальних мест учнет у себя держать болши одного лета по составным каким письмам, а про то сыщется, и за такие письма, хто их составит, тем людям чинить тот же указ, как писано по 32-ю статьею».⁸⁷

Как видим, приговор Палаты, вопреки ст. 32 XI главы Уложения, выдвигал категорическое требование оформлять найм частновладельческих крестьян и бобылей составлением «поручных записей», либо, при невозможности получить последнее, в присутствии свидетелей «с ручными добрыми поруками». Второе требование приговора состояло в установлении краткого (сезонного — зима, лето) срока найма, по истечении которого найм мог быть возобновлен на другой год, но при соблюдении тех же условий. Произвольное удлинение срока найма на основании подложных («составных») писем подлежало наказанию в том виде, как это предусматривалось в ст. 32 Расправы за составление подложных отпусковых.

Из контекста приговора не вполне ясно, какого рода подложные документы имеются в виду под термином «составные письма». Обращение к предварительным материалам рассмотрения в Палате ст. 32 XI главы Уложения 1649 г. дает возможность установить, что под письмами Палата разумела письма помещиков и вотчинников, с которыми они отпускали часть своих крестьян «кормитца на одно лето или на зиму». Уже в приговоре первого чтения заключено требование принимать крестьян в «пастушню и работу» только по «письмам помещиков и вотчинников», которые «записывать в городех в съезжих избах». При втором чтении текст о письмах по неясной причине был вычеркнут из приговора, но слова о «составных письмах» оставлены и попали в текст ст. 43 Расправы.

Та же тенденция к ограничению передвижения крепостного населения и к установлению правительственного контроля за ним сказалась в утверждении Палатой ст. 45 XXI главы Уложения и новоуказанных статей к ней о регистрации в приказах пришлых людей и дворников. Наконец, с тем же отрица-

⁸⁷ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 371.

нием крестьянской и бобыльской свободы связано значительное усиление мероприятий по борьбе с побегами крестьян и их сыском, образующих содержание большинства статей Расправы.

В практике побег крестьян зачастую сопровождался нанесением материального ущерба феодалу, либо убийством его самого или членов его семьи. Такие действия на языке феодального права именовались татьбою, воровством и убийством и составляли предмет рассмотрения X («О суде») и в особенности XXI («О разбойных и о татиных делах») глав Уложения. Соответственно и Палата рассматривала покушения крестьян на феодальную собственность и на жизнь феодалов в связи с подготовкой новых глав о суде и о «татиных» и разбойных делах. Таким образом, явления классовой борьбы вдвигались в юридической сфере в общие рамки феодального права, имевшего главной целью охрану собственности и жизни феодалов. В области права выступления классового характера отождествлялись с разбойными выступлениями вообще. Такое положение составляет немалые затруднения для исследователей. Только глубокое и всестороннее изучение самой исторической действительности дает возможность уточнить нормы права.

К сожалению, материалы обсуждения и выработки новых глав о суде и о разбойных делах в архиве Палаты об Уложении сохранились значительно хуже, чем по XI главе.⁸⁸ Можно привести лишь очень немногие определения Палаты, касающиеся интересующего нас предмета.

Бросается в глаза, что при выработке Расправы Палатой не использована ст. 46 (40) Наказа сыщикам 1683 г. — важнейшего вслед за XI главой Уложения 1649 г. источника Расправы. Указанная статья Наказа устанавливает смертную казнь через повешение для тех крестьян, которые при побеге совершили «смертное убийство или пожег» в поместье или в вотчине своего хозяина: «Да будет по сыску и по роспросу и по пыточным речам про те смертные убийствы и пожег сыщется

⁸⁸ Части проекта новой X главы находятся в разных местах фонда: а) со ст. 1 по ст. 28 под названием «О допросе ответчиков в исцовых исках» (с перечеркиваниями и поправками) — в д. 7, лл. 1—8 об.; б) продолжение того же текста до ст. 173 — в д. 6, гл. X, лл. 1—40 об.; в) кроме того, в том же деле 6, гл. X, имеется чистовой экземпляр одного из чтений X главы с приговорами Палаты по ст. ст. 145—158 и 168—216, лл. 41—64 об.; г) продолжение того же чистового текста со ст. 217 по ст. 286 находится в д. 7, в папке «Протоколы слушания в Палате Уложения, гл. X, см. ст. 217 по 286». Затем идут разрозненные листы, очевидно, первого чтения ст. ст. 20—36 с черновыми записями приговоров Палаты тем же почерком, что и приговоры по XI главе, и ряд разрозненных записей материалов, отнесенных к X главе, на лл. 65—89 об.

допряма, и тех воров за смертные убийства и за пожег по указу великого государя и по Соборному Уложению против татинных и разбойных статей вершить, велеть вешать, чтоб иным впредь не повадно было так воровать».⁸⁹

Ссылка на разбойные и «татинные» статьи дает право полагать, что ст. 46 (40) Наказа сыщикам могла быть использована при подготовке в Палате XXI главы нового Уложения. К сожалению, среди крайне немногочисленных материалов по XXI главе никаких сведений о рассмотрении ст. 46 Наказа сыщикам обнаружить не удалось. Тем не менее защита жизни и имущества феодалов интересовала Палату самым непосредственным образом. В таких случаях Палата заостряла свои определения против беглых крестьян и холопов. Примером могут служить некоторые материалы из результатов обсуждения XX главы Уложения. Статья 4 XX главы Уложения 1649 г. предусматривала случай, когда беглые холопы, приходя к тем, от кого они бежали, подговаривали к побегу других холопов и крестьян и «домы их разоряют и грабят и пожигают». Статья определяла пострадавшим «искати разоренья в судных приказах на тех людей, у которых холопы живут в бегах». А беглых по суду и по сыску возвращать помещикам и вотчинникам, от которых они бежали. Никаких наказаний беглым холопам за причиненный ими ущерб имуществу феодала ст. 4 XX главы Уложения не предусматривала. Ответственность целиком возлагалась на держателей беглых. Рассмотрев ст. 4 XX главы, Палата приняла существенное дополнение к ней: «В Полоте говорили: быть по Уложению и буде по розыску сыщется, что те беглые люди прежнему помещику учинили пожег и их за то казнить смертью. А которые учинили разоренье и за то разоренье по розыску в чем он станет сыскиваться, доправить на том, за кем они в бегах жили. А буде такие беглые люди прежним помещиком учинили пожег и разорение по веленью тех людей, за кем они в бегах жили, и тем людем, которые посылали, чинить наказанье, да у них жа половину поместья их и вотчин взяв, отдать тому, кому те люди, будучи в бегах, пожег и разоренья чинили».⁹⁰

В приговоре привлекает внимание выделение поджога из общего перечня средств нанесения ущерба собственности феодалов: разорение, грабеж и поджог. Соответственно поделены санкции: за поджог имения отвечал сам холоп, и ему определялась смертная казнь, а за разорение возмещал убыток тот, кто

⁸⁹ ПСЗ, II, №. 998, ст. 40.

⁹⁰ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 3, списки с указов Поместного приказа, л. 244 об.

держал бегдых. Указание поджога в составе преступлений против собственности феодалов и определение смертной казни за него принципиально не было новым. Законодательство после Уложения, отражая возросший уровень классовой борьбы крестьян и холопов, уже определяло смертную казнь за убийство помещиков и поджог имений. Статья 46 (40) Наказа сыщикам 1683 г. явилась своеобразным итогом таких установлений прошлого времени. Однако в указах XVII в. убийство и поджог рассматривались совместно, а не дифференцированно. Палата впервые выделила «пожог» в самостоятельный вид преступления, квалифицировав его как акт классовой мести беглых холопов и крестьян, чем и вызвано определение им смертной казни за совершение поджога. Другое дело — разорение имения и грабеж. Если скрытым мотивом при этом могли быть те же чувства классовой мести, то на поверхности выступало стремление холопа покорытоваться имуществом своего господина. В таком случае закон вставал на защиту материальных интересов последнего и предусматривал возмещение ущерба с укрывавшего беглых. Такое определение приговора было вместе с тем мерой наказания за держание беглых.

В духе всего законодательного творчества Палаты следует расценивать и заключительную часть приговора по ст. 4 XX главы Уложения. В ней предусмотрен случай, когда разорение и поджог учинены беглыми холопами в отношении своих прежних господ «по велению тех людей, за кем они в бегах жили». Статья определяет виновному наказание в форме конфискации половины его поместья или вотчины в пользу пострадавшего. Эта часть приговора Палаты отражает общее обострение внутриклассовой борьбы феодалов за землю и рабочие руки в конце XVII в.

Палата усиливала репрессии за выступления против феодальной собственности не только в случаях, когда они имели место в связи с побегам крестьян и холопов. Возьмем ст. 108 X главы Уложения. Она говорит о предоставлении отсрочки явки на суд в случае официально установленного факта болезни истца или ответчика. Рассматривая статью, Палата дополнила ее определением, которое вовсе не стоит в прямой связи с указанным вопросом ст. 108. В нем речь идет о случае, когда холопы и крестьяне в момент болезни их помещика и вотчинника «станут кому чинить разорение и обиду и насильством чем у кого владеть». Палата предписала таких крестьян и холопов, не взирая на болезнь их хозяина, брать в Москву для допроса и розыска.⁹¹

⁹¹ Там же, № 6(11), «Рассуждения бояр при слушании статей Уложения о суде», ч. 2, л. 267.

Статья 223 той же X главы Уложения предусматривала случай, когда ущерб причинялся пожаром в чьем-либо лесу в результате предумышленных действий или «пастуховым небрежением». Статья предписывала «на тех людях за такое пожарное разорение взяти пеня, что государь укажет», а истцу возмещение убытка. Если же пожар «учинится без хитрости», то ни пени, ни по «истцову иску» не взыскивать. Оставив в силе эту статью в части квалификации действий виновных лиц и налагаемых на них взысканий, Палата сочла необходимым пополнить ее определением относительно телесного наказания пастухов, причастных к поджогу леса: «В Полате говорили пополнить: пастухом чинить наказанье, бить батоги нещадно, а пени и иску на них не править».⁹² Примечательно, что вопрос о мотивах действий пастухов — предумышленно ли, в результате ли небрежности или какой-либо случайности — в приговоре Палаты совершенно снимается.

Статья 233 X главы Уложения 1649 г. в общей форме, без определения социальной принадлежности претендентов на чужую землю, берет под защиту феодальную собственность на землю. По этой статье «чужая земля» должна быть возвращена ее владельцу с уплатой «владенья» по государеву указу, «а за насильство учинити наказанье, что государь укажет».

Палата, во-первых, внесла уточнение относительно размера платы «за владенье» «чужой землей», определив ее «по цене втрое», оставив в неизменном виде преамбулу о наказании «по усмотрению государя». Во-вторых, Палата приняла дополнение к статье: «В Полате говорили пополнить: буде люди и крестьяне такое насильство собою учинят без повеления бояр своих, и таким чинить наказанье, бить кнутом».⁹³

Дополнение к статье представляет большой интерес в том отношении, что оно конкретизирует социальный смысл ст. 233, называя «по именам» действующих лиц, скрытых в X главе Уложения под глухими местоимениями «кто» и «у кого». Становится ясным, что законодатели имели в виду два аспекта борьбы за землю: внутриклассовый и классовый. Для случая проявления внутриклассовой борьбы, когда боярин самостоятельно или с помощью своих крестьян и холопов оттягает «чужую землю» или кто-либо другой оттягает ее у боярина, законодательная норма оставлена Палатой почти в неизменном виде. Небольшое отклонение от прошлого установления состоит лишь в уточнении размера платы за время самовольного пользования «чужой землей». Другое дело, когда речь идет о захвате земли

⁹² Там же, № 7, «Протокол о слушании в Палате Уложения», гл. X, лл. 2—3.

⁹³ Там же, л. 5 об.

феодала крестьянами и холопами по их собственной инициативе, «без повеления бояр своих». В данном случае Палата сочла необходимым ввести новую законодательную норму, которая заострила статью против попыток крестьян и холопов овладеть земельной собственностью феодалов.

В борьбе с побегам крепостных феодальное государство, как мы видели, возвело внеэкономическое принуждение в норму закона. Палата об Уложении пыталась продвинуться дальше в этом направлении, приняв ряд новых установлений, значительно расширявших правовые возможности внеэкономического воздействия в отношении крепостного населения деревни. Это не означало, однако, что экономические санкции в отношении крестьян были совершенно исключены. Они допускались Палатой в отношении крестьян, замешанных в приеме и удержании беглых. Мы видели, как значительно повысила Палата материальную ответственность помещиков и вотчинников, не исключая высших слоев феодалов, за прием беглых крестьян и бобылей. Однако ни в одном случае материальное взыскание не ложилось целиком, полностью и исключительно только на феодала. Как в указах второй половины XVII в., так и в Расправе в подобного рода случаях «компаньоном» феодала становился крестьянский мир, община. Статья 4 Расправы отменяла взимание пожилых денег с дворцовых крестьян за прием беглых в «прошлые годы», т. е. до нового Уложения. Однако ст. 5, предусматривая совершение того же деяния в будущем, «впредь с сего Уложенья», устанавливала пожилые деньги не только на старостах и приказчиках дворцовых волостей, но и «на выборных крестьянех». Но если приказчик, староста и выборные крестьяне скажут, что принимали беглых такое-то село и такая-то деревня, то закон предписывал «те деньги править того села и деревни на крестьянех, а не на всей волости».⁹⁴

Статья 6, говорящая о приеме беглых в частновладельческих хозяйствах, требовала «за пожилые годы деньги имать на помещиках и на вотчинниках и на той деревне, где беглые люди и крестьяне жили».⁹⁵ Ту же формулу о взимании пожилых денег с помещиков и вотчинников «и на той деревне, где те беглые люди и крестьяне жили» встречаем в ст. 17 Расправы.

Такая постановка вопроса об ответственности за прием беглых открывала феодалам легальную возможность переложить значительную долю материальной ответственности на своих крестьян. Принципиально то же требование изложено в приговоре Палаты, вошедшем в ст. 18. Если беглые приняты по

⁹⁴ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 360.

⁹⁵ Там же, стр. 361. (Разрядка наша, — А. М.).

письменному распоряжению самих помещиков и вотчинников (имеются в виду думные чины), то «за такие письма» с помещиков и вотчинников пожилые деньги устанавливаются в двойном размере. Однако и здесь указано, что в случае непосредственной и очевидной вины самого хозяина вотчины и поместья, пожилые деньги должны быть взяты «на тех помещиках и на вотчинниках и на людех их и на крестьянех тех сел и деревень, в которых те беглые жили».⁹⁶

К данной норме в том же приговоре Палаты содержится весьма существенное разъяснение: «А буде взять с них нечево (имеются в виду крестьяне сел и деревень, в которых жили беглые, — А. М.), и за те пожилые деньги брать тому истцу то село или деревню с землею по оценке, в которой они жили. А буде чего за те пожилые деньги того села и деревень с землею не достанет, и те деньги править по Уложению на тех же помещиках и на вотчинниках».⁹⁷

Такое разъяснение Палаты имеет двоякое значение: оно, во-первых, служит комментарием к вышеприведенным формулам о взыскании пожилых денег и с помещиков и с крестьян; смысл их состоял в том, что помещики получали легальную возможность расплаты в счет пожилых денег целыми селами и деревнями с крепостным населением. Это же разъяснение, во-вторых, вместе с установлениями Палаты об удвоении размера пожилых денег является новшеством, свидетельствующим о том, что значительная доля тяжких последствий нового закона, принятого Палатой, должна была лечь на плечи крестьянства.

Итак, борясь за упрочение основ крепостного права, Палата усилила наказания крепостных за побег и за покушения на собственность и жизнь феодалов и заметно повысила ответственность за прием и держание беглых. Все эти моменты упирались в проблему сыска и возврата беглых крестьян и бобылей. В Расправе получили отражение лишь основные принципиальные положения приемов и процедуры сыска. Расправа ни в коем случае не является инструкцией для сыщиков, наказом для них. Сыщики как лица, уполномоченные государством по сыску беглых, ни разу даже не упомянуты в ней. Этим и объясняется, что значительная часть статей Наказа сыщикам была отклонена Палатой и не использована в Расправе. Отклонение большинства статей Наказа, касающихся главным образом процедурных моментов сыска и прав и обязанностей сыщиков, следует понимать как отклонение с точки зрения непригодности их применительно к Расправе, а не как отклонение вообще.

⁹⁶ Там же, стр. 365. (Разрядка наша, — А. М.)

⁹⁷ Там же.

Расправа возлагала дело сыска беглых крестьян, бобылей и холопов, во-первых, на приказы, узаконяя сыск как постоянную функцию органов государственного управления,⁹⁸ и, во-вторых, на самих феодалов. В новой XI главе заметна тенденция сделать представителей господствующего класса не только ответственными за прием беглых, но и активными участниками сыска и водворения беглецов на прежние места.⁹⁹

Палата предусмотрела в Расправе основные элементы сыска беглых. Наиболее важным из них является направление из приказов в вотчины присыльных и служилых людей на предмет сыска и изъятия беглых. Статья 19 Расправы, повторяющая в редакционно измененном виде соответствующую часть указа 23 марта 1698 г.,¹⁰⁰ предусматривает сопротивление присыльным людям со стороны некоторой части держателей беглых. Сопротивление может проявиться в форме отказа выдать беглых не только при однократной, но и при трехкратной присылке представителя власти; в форме недопуска представителя власти в пределы вотчины и поместья для поимки беглых и, наконец, в форме избиения «посыльных и служилых людей». Статья определяет в данном случае: «тех людей по розыску за такие силы и за бой бить кнутом». Приговор Палаты дополнил это определение: «А битым по розыску за бой и за увечье править деньги по окладом их по Уложению вдвое, для того: не держи чужих и не чинися государевым указом противен».¹⁰¹

Сопротивление государеву указу в части сыска беглых Палата, таким образом, наказует, в случае избиения официального лица, не только телесно, но и материально, в форме уплаты штрафа «за бой и за увечье» в двойном против обычного случая «боя и увечья» размере. А если, говорится далее в том же приговоре, кто-либо из присыльных людей в результате сопротивления будет убит, то виновного «по розыску» «казнить смертью ж». Определение смертной казни за убийство «присыльных людей» в приговоре Палаты включено из указа 23 марта 1698 г.

Второй элемент сыска по Расправе состоит в допросе беглых, приведенных в приказы. О допросе говорят ст. ст. 33 и 34. Первая из них без изменений воспроизводит норму ст. 37 (32) Наказа сыщикам: «тех беглых людей и крестьян роспрашивать накрепко, где кто наперед того и за кем жили и товарищи

⁹⁸ См. ст.ст. 19, 33 и 48 Расправы.

⁹⁹ См. ст.ст. 33, 34, 40 и 41 Расправы.

¹⁰⁰ ПСЗ, III, № 1625

¹⁰¹ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 365.

с ними такие ж иные беглые люди и крестьяне были ль, и буде были, за кем ныне те их товарищи живут».¹⁰²

Как видим, в задачу допроса входило собрать сведения не столько о самих допрашиваемых беглых, сколько о других беглых крестьянах и бобылях. Допрос, таким образом, из элемента следствия превращался в элемент сыска беглых. Статья 34 допускала пытку крестьян при допросе. Пытка устанавливалась для крестьянских детей, если они «учнут отпиратца от отцов своих и от матерей» (повторение ст. 32 XI главы Уложения), и для крестьян, переменявших свои имена в бегах, если эти крестьяне не откроют свои истинные имена на допросе (повторение нормы ст. 48 (42) Наказа сыщикам). В ст. 34 Палата пошла по линии расширения объема розыска, дополнив установления, заимствованные из прошлого законодательства, своим приговором: «А пытать их, разыскивая отцы и матерями и сродники».¹⁰³

Третий элемент сыска, предусмотренный Расправой, состоял в допросе заподозренных в держании беглых. Этому вопросу посвящены ст. ст. 38—41. Палата исходила из двух возможных результатов допроса: когда «ответчик в крестьянех не запретца» и когда, наоборот, «запретца». Первая возможность предусмотрена в ст. 38, повторяющей ст. 26 XI главы Уложения. Ее продолжением в данном плане служит ст. 40. Воспроизводя ст. 28 XI главы Уложения 1649 г., ст. 40 Расправы гласит: «в которых крестьянех ответчики в допросех не запрутца и доведутца те крестьяне по допросу взять у ответчика и отдать исцу». Здесь никаких дополнительных санкций не предусмотрено. Они ограничиваются уплатой пожилых денег в соответствии с нормами ст. 17. Положение значительно меняется в обратном случае, когда ответчик будет отрицать присутствие у него беглых крестьян, а в ходе сыска беглые у него будут обнаружены. Учитывая такую возможность, Палата сочла необходимым дополнить действующее законодательство своим приговором, вошедшим в состав ст. 37. Если «кто в допросе о беглых крестьянех и бобылях учнут запиратца, а после того сыщется подлинно, что те беглые крестьяне и бобыли за ними жили», то на виновном взимать пожилые деньги по новому подушному исчислению, государевы подати в двойном размере, а сверх того за «запирательство пени «на государя» в размере пятидесяти рублей».¹⁰⁴

Если же по смыслу ст. 41, повторяющей ст. 29 XI главы Уложения 1649 г., ответчик в допросе о беглых будет «запи-

¹⁰² Там же, стр. 368.

¹⁰³ Там же; см.: С. Н. Валк, ук. соч., стр. 237.

¹⁰⁴ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 370.

ратца», а затем «у крестного целования» крестьян за собой скажет, а в имуществе беглых «попрежнему запретца», то ему не верить и «спорные животы» с него взыскать. Так повышенная материальная ответственность за ложные показания о беглых дополнялась моральной дискредитацией лица, давшего ложные показания. Однако если ответчик солжет при крестном целовании, то по ст. 39 Расправы ему положена смертная казнь.

Целью сыска было установление местонахождения беглых и их принадлежности. За сыском следовал возврат беглых крестьян и бобылей их владельцам. Основания возврата беглых, составившие основные принципиальные положения как XI главы Уложения, так и Расправы, разобраны нами выше. Коротко они сводятся к формуле: «А отдавать беглых крестьян и бобылей из бегов по писцовым книгам всяких чинов людям без урочных лет». В другом случае (ст. 15) основанием названы переписные книги. В более общей форме ст. ст. 3 и 33 Расправы все крепостные акты, служившие основанием возврата беглых, называют «крепостями». Отсюда отражение этого в заглавии Расправы: «По допросом против крепостей Росправа о крестьянех».

Помимо оснований, в Расправе отражены условия и некоторые процедурные моменты возврата беглых.

Непременным условием служит возвращение беглого крестьянина и бобыля со всеми его прямыми и боковыми родственниками. Статья 5, например, повторяет требование ст. 38 (33) Наказа сыщикам о возврате беглых крестьян «з женами и з детьми».¹⁰⁵ Статья 15 вслед за ст. 9 XI главы Уложения значительно расширяет круг родственников, подлежащих возврату вместе с главой семьи. Кроме жен и детей, в ней упомянуты братья, племянники и внучата.¹⁰⁶ Наряду с женами и детьми братья и племянники упомянуты также в ст. 17. Еще в Уложении 1649 г. (ст. 28 XI главы) имелось уточнение возраста и положения детей беглых, подлежащих возврату вместе с родителями: «тех крестьян исцом отдавать во крестьянство з женами и з детьми, которых детей тех беглых крестьян, хотя и в писцовых книгах не написано, а живут они с отцом своим и с матерью вместе, а не в розделе».

Повторив ст. 28 XI главы 1649 г. в ст. 40 Расправы, Палата дополнила ее своим приговором: «да и с теми детьми отдавать, которые дети будут и в отделе».¹⁰⁷ Такое добавление свидетельствует о стремлении Палаты расширить владельческие права помещиков и вотчинников.¹⁰⁸

¹⁰⁵ Там же, стр. 360.

¹⁰⁶ Там же, стр. 363.

¹⁰⁷ Там же, стр. 370.

¹⁰⁸ С. Н. Валк, ук. соч., стр. 237.

Статья 6 содержит отрывок из ст. 16 (12) Наказа сыщикам, которая предписывала беглых внучат по дедам не отдавать при условии, если сами внучата или их отцы не записаны в писцовых и переписных книгах за их прежними владельцами, а значатся в переписных книгах по месту побега. Если же «внучата в переписных книгах ни за кем не написаны, и тех внучат по дедом отдавать, розыскивая, за кем в писцовых книгах деды их написаны».¹⁰⁹

Сложная регламентация прав отражена в Расправе в отношении беглых крестьян и крестьянок, женившихся и вышедших замуж в бегах. Предметом ст. 7 являются случаи выдачи беглыми крестьянами своих дочерей замуж после побега. Статья открывается текстом ст. 3 XI главы Уложения 1649 г., в которой идет речь о выдаче замуж беглыми своих дочерей, сестер и племянниц до 1649 г. «И того, — сказано в статье, — в вину не ставить, и по тем девкам мужей их прежним вотчинником и помещиком не отдавать». Мотивом выдвигается то, что до 1649 г. в приеме беглых государевой заповеди не было.

Добавление к ст. 3 XI главы Уложения, содержащееся в ст. 7 Расправы, логически предусматривает два случая получения вывода за вышедших замуж крестьянских дочерей: первый — когда крестьяне бежали до 1649 г. и, будучи в бегах, выдали дочерей замуж после Уложения, и второй — когда и побег и замужество приходятся на время после 1649 г. Первый из этих случаев был предусмотрен уже в ст. 28 (25) Наказа сыщикам, откуда и заимствован текст для ст. 7 Расправы. Относительно второго случая Палата сама вынесла решение при рассмотрении ст. 28 (25) Наказа сыщикам: «А которые люди и крестьяне и бобыли бежали со 157 [1648/49]-го году и выдали дочерей своих в бегах после Уложенья 157-го году, и за таких девок иметь вывод по десяти рублей».¹¹⁰

Иначе ставится вопрос о возвращении самостоятельно убежавшей крестьянской дочери. Статья 24 Расправы, повторяющая ст. 12 XI главы Уложения 1649 г., требует самостоятельно бежавшую и в бегах вышедшую замуж крестьянскую дочь возвращать прежнему владельцу «и с мужем ея и з детьми, которых она детей с тем мужем приживет». А далее оговорено: «А животов мужа ея с нею не отдавать». Оставив в силе ст. 12 XI главы Уложения 1649 г. в отношении времени до нового

¹⁰⁹ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 361. — В Расправе текст ст. 16 (12) Наказа сыщикам передан с искажением. Вместо слов Наказа сыщикам о внучатах: «а быть им по переписным книгам за кем написаны» — в ст. 6 стоит: «а быть им по переписным книгам, где написаны деды».

¹¹⁰ Там же, стр. 362.

Уложения, Палата приговорила на будущее: «А с сего Уложения по таким беглым и подговорным мужей их отдавать и з животами, что у них есть. А будет в животах учинитца спор, и в том по розыску указ чинить по Уложению. А за пожилые годы деньги иматъ за них с побегу или с подговору по Уложению».¹¹¹

Приговор Палаты интересен в двух отношениях. В нем ясна тенденция к расширению владельческих прав феодалов, интерес которых ущемлен побегом молодой крестьянки. Владелец бежавшей получал право не только на ее мужа, но и на его имущество. Расширение прав одного феодала означало вместе с тем усиление материальной ответственности другого — того, кто принял и выдал замуж беглую.

Дополнением к изложенному является ст. 25 Расправы, повторяющая ст. 13 XI главы Уложения. В ней предусмотрен случай, когда «беглая девка» выйдет замуж в бегах за вдовца, у которого есть дети от его первой жены. Такие дети не подлежат передаче вместе с их отцом владельцу «беглой девки», а остаются в холопстве или в крестьянстве по месту рождения.

Статьи 27 и 28 Расправы разбирают аналогичный случай побега крестьянки-вдовы с выходом замуж в бегах. Ее положение определяется положением не родителей, а ее первого мужа. Если ее первый муж записан в писцовых книгах или в других каких-либо крепостях за тем, от кого она бежала, то она по смыслу ст. 15 XI главы Уложения 1649 г., вошедшей в состав ст. 27 Расправы, подлежит отдаче своему владельцу вместе со вторым своим мужем. Разумеется, возврат беглой осуществлялся с соблюдением правил других статей относительно потомства и имущества. Однако ст. 28 содержала оговорку, непосредственно вытекающую из существа самого крепостного закона. Если первый муж беглой вдовы ни в каких крепостях не записан, то вдова остается за тем, к кому она бежала и за чьего крестьянина или кабального человека вышла замуж.

Палата сохранила, наконец, требование ст. ст. 17 и 18 XI главы Уложения о возврате беглого крестьянина с семьей и с зятем в том случае, если этот крестьянин, будучи в бегах, выдал замуж свою дочь, вдову или девку за чьего-либо кабального человека или крестьянина. Если же он выдал дочь замуж в другое поместье или вотчину, то такая крестьянская дочь становится самостоятельным объектом сыска и подлежит возврату вместе с мужем. Обе эти статьи XI главы Уложения составили содержание ст. ст. 29 и 30 Расправы. Отдельной статьей как в XI главе Уложения, так и в Расправе (ст. 13)

¹¹¹ Там же, стр. 367.

ставится вопрос о возврате беглых крестьян из купленных вотчин. Юридически положение в данном случае осложнено тем, что вотчина куплена с беглыми крестьянами «после писцов», а беглые указаны в купчей. Тем не менее статья предписывает беглых вернуть владельцу, а хозяину купленной вотчины предоставляется право вместо беглых крестьян получить от продавших вотчину «таких же крестьян со всеми животы и с хлебом стоячим и с молоченым из иных их вотчин».¹¹²

Это отнюдь не единственная статья, в которой содержится требование возврата беглого крестьянина с его имуществом. Прочно вошедшее в практику и юридически закрепленное в Уложении и в указах XVII в. право феодала не только на личность крепостного крестьянина, но и на его имущество полностью и безраздельно вошло в Расправу, став альфой и омегой этого кодекса. В виде прочно устоявшейся формулы требование закона о возврате беглого с имуществом содержится в ст. ст. 5—7, 15 и 17. «А беглых людей и крестьян, — говорится, например, в ст. 6, повторяющей в этой части ст. 8 (5) Наказа сыщикам, — отдавать челобитчиком з женами и з детьми и со всеми их животы, и с хлебом стоячим и с молоченым, и велеть их отвозить на подводах, за кем они в бегах жили».

Все установления прошлого законодательства об имуществе беглых крестьян не вызвали у Палаты сомнений в их целесообразности. В неизменном же виде оставлены Палатой условия и ход состязательного процесса в случаях возникновения спора заинтересованных сторон об имуществе беглых. Первая часть ст. 37 Расправы повторяет ст. 25 XI главы Уложения, устанавливающую взимание по 5 руб. за спорные глухие (точно не оговоренные в исковой челобитной) животы беглых. Если же иск будет предъявлен в сумме свыше 50 руб., то в таких «животах вершить по допросу».

Следующая, 38-я статья, повторяя ст. 26 XI главы Уложения 1649 г., также устанавливает пятирублевые пени за «глухие животы», когда показания истца и ответчика относительно состава животных будут разноречивы: истец будет утверждать, что его крестьянин ушел к ответчику с имуществом, а ответчик не признает имущества за собой.¹¹³

Неизменным оставлено требование ст. 29 XI главы Уложения, вошедшей в состав ст. 41 Расправы. Если ответчики «запрутца» в допросе в беглых крестьянах и крестьянских «животах», а затем, когда дело дойдет до крестного целования, кре-

¹¹² Там же, стр. 363.

¹¹³ Там же, стр. 370.

стьян за собою признают, а «животы» нет, то им не верить «и на них те крестьянские животы велеть доправить».¹¹⁴

Юридическое оформление возврата беглых с их имуществом в основе своей оставлено Палатой в прежнем виде.

Согласно ст. 9 Расправы, повторяющей норму ст. 4 XI главы Уложения, при передаче беглых крестьян и бобылей «государевых дворцовых сел и черных волостей приказным людям и вотчинником и помещиком имать отписи за их руками впредь для спору». Порядок оформления отписей был установлен в соответствии с действующими в конце XVII в. правилами. Текст о площадных подьячих в ст. 4 XI главы Палата заменила своим приговором: «А отписи велеть писать на Москве и в городе на площадях крепостных дел подьячим на гербовой бумаге с свидетелми. И давати такие отписи за своими руками».¹¹⁵ Оформление актов на бумаге с гербовым знаком было введено указом 1699 г.¹¹⁶ В связи с решением об оформлении отписей только крепостных дел подьячими в ст. 9 не вошло, как излишнее содержащееся в ст. 4 запрещение оформлять отписи «своим попам, дьячкам и людям». Оформление отписи (расписки) в получении беглых давало в руки вернувшего их лица оправдательный документ. Но Уложение требовало еще фиксации акта передачи беглых в Поместном приказе в форме записи их «за теми людьми, кому они будут отданы». Основанием такой записи служило челобитье лица, вернувшего беглых. Палата включила эти требования в ст. 11 Расправы.¹¹⁷ Развязывая и поощряя инициативу самих крепостников в деле сыска бежавших от них крестьян, Палата требовала привода беглых в Москве в приказы, а в городах в съезжие избы для допроса. Отсюда беглые после официального установления принадлежности возвращались владельцам. Обычно лица, приведшие беглых, сами наведывались в приказы и в съезжие избы за получением принадлежащих им беглых крестьян. Практически, однако, нередко возникали осложнения, когда явка таких лиц в приказы и в съезжие избы почему-то сильно затягивалась, а иногда и вовсе не имела место. Уже законодательство конца XVII в. реагировало на это определенным образом. Указ 19 июля 1694 г. предписывал беглых людей и крестьян, приведенных в Судный приказ из Потешного двора и не взятых их помещиками и вотчинниками из Судного приказа в течение недели, отпускать по истечении этого срока на волю без расписок. Указ

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, ч. II, лл. 15 и 68 об.

¹¹⁶ ПСЗ, III, № 1673.

¹¹⁷ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 362.

мотивирует решение тем, что в «Судном приказе те люди и крестьяне, сидя многое время, терпят голод и всякую нужду, а иные многие от тесноты заболели и з голоду помирают».¹¹⁸ Тот же недельный срок пребывания беглых под следствием в Стрелецком приказе устанавливал еще ранее указ 24 марта 1690 г., но при условии освобождения беглых с поруками или под расписку, если кто захочет их взять.¹¹⁹

Палата обобщила эти решения в ст. 48 Расправы, установив недельный срок пребывания беглых в любом приказе и в съезжих избах, но при условии, если беглые не замешаны в воровстве, разбоях, убийствах и ересьях. Не взятые из приказов и съезжих изб их владельцами, беглые крестьяне и бобыли по истечении недельного срока должны подлежать освобождению в обязательном порядке. Для освобождения из приказа, согласно ст. 48, не требуется ни поручительства, ни расписок каких-либо лиц в приеме беглых. Оформление ограничивается лишь одной регистрацией беглых в приказе («после недели ис приказов выпускать з запискою и без росписок»). Отпускаемым должно вменяться в обязанность идти к своим помещикам и вотчинникам, «не дожидаяся за побег себе наказанья». Палата, таким образом, в виде поощрения за явку к своему помещику и вотчиннику освобождала выпущенных из приказов беглых от телесного наказания, официально установленного за побег ст. ст. 18 и 35 Расправы. Разумеется, это было не более как приманкой. Практически, будет беглый наказан или нет, целиком зависело от помещика или вотчинника.

Приговор Палаты, вошедший в ст. 48, усиливает требование к отпускаемым из приказа беглым явиться к тем помещикам и вотчинникам, «кому они крепки», предписывая оформлять это требование путем вручения беглым специальных писем. В случае если беглые не явятся по письмам к своим помещикам или вотчинникам, а начнут жить за иными помещиками, то они при поимке должны подлежать телесному наказанию кнутом и насильственной передаче владельцам.¹²⁰

Вмешательство государственного аппарата в дела сыска и возвращения беглых крестьян и бобылей не исключало частной инициативы крепостников не только в области сыска беглых, но и в области взаимного удовлетворения претензий. В таких случаях выступала обычная для феодального права форма полюбовных сделок. При рассмотрении XV главы Уложения («О вершенных делах») Палата утвердила как пригодную в но-

¹¹⁸ ПСЗ, III, № 1495.

¹¹⁹ Там же, № 1396.

¹²⁰ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 373.

вое Уложение ст. 2 этой главы.¹²¹ Статья 2 XV главы признает силу полюбовной сделки относительно крестьян, если крепостники «помирятся и записью укрепятся», даже в тех случаях, когда поместья и вотчины после этого перейдут к иным владельцам, а эти последние будут оспаривать осуществленную прежними владельцами поместий и вотчин полюбовную сделку. Разумеется, это установление носит более общий характер и предусматривает все возможные виды сделок между помещиками и вотчинниками относительно крестьян, а не только в связи с побегами. Но ст. 14 Расправы, повторяющая ст. 8 XI главы Уложения, говорит о неизменной юридической силе полюбовной сделки уже в специальном отношении, а именно в случае соглашения о беглых: «У которых помещиков и у вотчинников о беглых же крестьянх и бобылях в прошлых годах до сего государева указу была полюбовная зделка и по полюбовной зделке, кто кому своих крестьян поступился и записью укрепился или челобитные мировые подали, и тем всем делам быть по тому, как те дела вершены до сего государева указу, а вновь тех дел не вчинать и не перевершивать».¹²² Эта же статья Расправы сохраняет силу прежних решений суда о беглых. В данном случае Палата твердо придерживалась принципа, по которому новый закон не имеет обратного действия.

Кодифицируя и разрабатывая нормы сыска и возврата беглых крестьян и бобылей, Палата использовала эти нормы для того, чтобы предоставить феодалам расширенные владельческие права на крестьян. Это касалось расширения прав вотчинной и поместной юрисдикции. Крепостнику давались более широкие права следствия, пыток и телесных наказаний крестьян, включая их детей и других родственников.

В тесной связи с расширением владельческих прав помещиков и вотчинников в отношении крепостных их вотчин и поместий стоит предоставленное ст. 42 Расправы неограниченное право перебросок крестьян с поместных земель на вотчинные земли и обратно.

Познакомимся вкратце, как обстояло дело во второй половине XVII в. с правами помещиков и вотчинников относительно перевода крестьян с одного вида феодального землевладения на другой. Статья 30 XI главы Уложения запрещала сводить крестьян и бобылей с поместных земель на вотчинные, дабы «тем своих поместий не запустошители». Статья 31 той же главы предписывала возвращать таких переведенных крестьян и бобылей на прежние поместные земли, когда последние будут даны

¹²¹ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6 (4), л. 4 об.

¹²² Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 363.

новым владельцам. В последующее время указ 10 марта 1676 г. предписывал крестьян, переведенных с вотчин на поместные земли, возвращать в вотчины, если последние перейдут по родству к другим владельцам.¹²³ Указ 1 февраля 1689 г. подтвердил этот порядок.¹²⁴

Следующий указ 7 апреля 1690 г., идя навстречу стремлениям помещиков к уравниванию поместий и вотчин, менял положение дела. Указ санкционировал право перевода крестьян с вотчинных земель на поместные и вотчинные и с поместных на поместные, не разрешив лишь сводить крестьян с поместных земель на вотчинные. Палата делала в этом отношении дальнейший шаг. Она отклонила ст. ст. 30 и 31 XI главы Уложения: «В Палате говорили сю статью отставить, а приговорили вновь...» Отклонила Палата и указы, касавшиеся вопросов переброски крестьян из одного вида землевладения в другой. И по ст. 30 XI главы, и по новоуказанным статьям во втором чтении были приняты отдельные приговоры, которые в совокупности образовали общий приговор Палаты, составивший содержание ст. 42 Расправы. Содержание статьи столь любопытно во многих отношениях, что заслуживает того, чтобы привести его полностью:

«А впредь с сего Уложения помещики и вотчинники при владенье своем с помесных своих земель на вотчинные свои земли, буде кто похочет, крестьян и бобылей переводить вольны. А которые крестьяне и бобыли с помесных на вотчинные земли переведены до сего Уложения, и тем быть на тех землях, на которые они переведены. Так же и с вотчинных земель сводить и на помесные земли. И государевы всякие подати тем крестьянам и бобылям платить велеть с тех земель, куды которые переведены будут. А с пустых земель платажу за них не имать и в Помесном приказе росписывать о том подлинно. А которые крестьяне и бобыли переведены до сего Уложения, и тем там и быть для того, что всякой помещик и вотчинник при владенье своем в людех и во крестьянех и в бобылях волен. А новым помещиком и вотчинником таких переводных крестьян и бобылей на прежние земли не отдавать».¹²⁵

Анализируя приговор Палаты, следует прежде всего отметить, что, отклонив ст. ст. 30 и 31 XI главы Уложения и последующие указы и разрешив переводить крестьян не только с вотчинных на поместные земли, но и обратно с поместных земель на вотчинные, Палата делала крупный шаг в сторону уравнивания прав помещиков и вотчинников. В том же аспекте уравнивания

¹²³ ПСЗ, II, стр. 130.

¹²⁴ Там же, III, № 1334.

¹²⁵ Археографический ежегодник за 1958 г., стр. 370, 371.

юридической природы поместья и вотчины приняты в Палате решения по ст. 3 XV главы Уложения. Статья 3 XV главы («О вершенных делах») предписывает крестьян и бобылей, отпущенных на волю из вотчины, в случае перехода вотчины к другому владельцу, который возбудит ходатайство об их возврате, в вотчину к новому ее хозяину не возвращать. Если та же ситуация будет иметь место в поместье, то крестьяне и бобыли, отпущенные на волю прежним владельцем поместья, должны быть возвращены его новому владельцу.

Вслед за ст. 3 XV главы Уложения Палата рассмотрела указ 1680 г. из Приказа холопья суда, который санкционировал отпуск на волю после смерти князя И. А. Воротынского его крестьян и крестьянских детей, взятых из поместий и вотчин во двор еще при жизни хозяина. Из Приказа холопья суда были выданы отпускные. Рассмотрен был и указ 25 мая 1680 г. об отпуске на волю кабальных и «полонных» людей, живших в крестьянстве в родовых и выслуженных поместьях и вотчинах боярина Б. М. Хитрово и взятых к нему во двор. По ст. 3 и по этим указам Палата приговорила: «В Полате говорили: вотчинным и помесным крестьяном по отпускным прежних помещиков и вотчинников от новых помещиков и вотчинников быть свободным, а жить им за теми людьми, кому на себя по тем отпускным крепости дадут или на Москве и в городех запишутца в тяглецы».¹²⁶ Последовательно развивая тему о равной юридической силе отпускных для крестьян из вотчин и поместий, Палата в новом чтении XV главы предприняла редакционную правку текста самой ст. 3: «И будет которой крестьянин или бобыль отпущен из вотчины с отпускною, и того крестьянина новому <помещику> <или> вотчиннику не отдавать <для того, что всякой помещик и вотчинник в поместьях и в вотчинах своих волен>».¹²⁷ Редакционная правка текста ст. 3 явно не завершена. Не хватает целого логического звена о равной силе отпускных для крестьян из поместий. Видимо, это обстоятельство и заставило дьяка, редакционно оформлявшего текст новой ст. 3, приписать после ее текста решение Палаты: «В Полате говорили: буде и помесной крестьянин отпущен буде с отпускною, и он потому ж свободен, что и вотчинной крестьянин».¹²⁸ Именно этот приговор Палаты коренным образом меняет прежний смысл ст. 3 XV главы Уложения. Его обоснованием служит провозглашенный Палатой и возведенный ею в степень закона принцип равной неограничен-

¹²⁶ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6 (4), л. 6.

¹²⁷ Там же, л. 8. (В угловые скобки заключены вставки Палаты, в текст ст. 3 XV главы Уложения).

¹²⁸ Там же.

ности прав феодалов как на вотчины, так и на поместья. В формуле «всякой помещик и вотчинник в поместьях и вотчинах своих волен» принцип уравнивания юридической природы обоих видов феодального землевладения доведен до логического конца. Становится очевидным, что Палата более чем за 10 лет до знаменитого петровского указа 1714 г. о единонаследии подготавливала фактическое и юридическое слияние вотчины и поместья.

Следует подчеркнуть очевидную связь формулы ст. 42 Расправы о неограниченности прав помещиков и вотчинников на своих крестьян и бобылей с формулой новой редакции ст. 3 XV главы Уложения о равных и неограниченных правах феодалов на поместья и вотчины. Расширение владельческих прав помещиков и вотчинников на крестьян, красной нитью проходящее через все законодательство второй половины XVII в. и решительно продолженное Палатой, служило краеугольным камнем развития крепостного права. Развитие крепостного права поставило в порядок дня уравнивание прав феодалов на вотчины и поместья. Иначе говоря, различия в правовой природе поместья и вотчины стали тормозом на пути крепостного права. Тем самым юридическое слияние основных видов феодального землевладения становилось необходимым условием дальнейшего развития крепостничества.

Тесная связь и взаимодействие двух сторон феодального права — права поземельного и права крепостного крестьянского с большей убедительностью выступает в смене законодательных формул, содержащих наиболее общее и принципиальное изложение основных черт того и другого права.

В новоуказных статьях о вотчинных и поместных делах 1676 г., стоявших еще на позициях Уложения, говорилось: «Всякой вотчинник в своей вотчине продать и заложить и всякую сделку учинить и крестьян переводить и поступаться волен». Здесь речь идет исключительно о вотчинном праве, состоящем из двух частей: 1) из права вотчинника продать, заложить, либо учинить любую другую сделку в отношении своей вотчины; 2) из права того же вотчинника поступиться крестьянами и перевести их с одной вотчины в другую. Уступка же крестьян нередко была формой продажи крестьянина. Таким образом, права вотчинника в отношении вотчины и крестьян, населявших ее, примерно совпадали.

Положение заметно изменилось к 90-м годам XVII в. Указ 7 апреля 1690 г., идя навстречу стремлениям помещиков к уравниванию поместий и вотчин, мотивировал свое решение «крестьянам быть на тех землях, на которых поселили их прежние помещики и вотчинники», тем, что «всякой помещик и вотчинник

в поместьях своих и в вотчинах, и во крестьянах поступиться и сдать и променить, а вотчину продать и заложить и крестьян переводить волен».¹²⁹

Здесь нет полного совпадения прав помещика и вотчинника. Они совпадали частично лишь в отношении права «поступиться» и «променять» как вотчину и поместье, так и крестьян. За вотчинником оставалось право продажи и залога вотчины и перевода крестьян с вотчинных земель на поместные, которого не было еще у помещика.

Третью и окончательную формулу дала Палата. Для решения, предложенного Палатой, характерно полное слияние поместного права с вотчинным в обоих аспектах — поземельном и крестьянском. Ту и другую часть поместно-вотчинного права Палата сформулировала отдельно: «Всякой помещик и вотчинник в поместьях и вотчинах своих волен». Соответственно этому определена формула второй части: «Всякой помещик и вотчинник при владенье своем в людех и во крестьянех и в бобылях волен».

Употребленное здесь выражение «при владенье своем» указывает на связь второй части формулы поместно-вотчинного права (крестьянской) с его первой частью (поземельной). Иначе говоря, права помещиков и вотчинников на крестьян поставлены Палатой в зависимость от прав феодалов на поземельную собственность.

Таким образом, неограниченные права помещиков и вотчинников на своих крестьян, провозглашенные Палатой, должны были входить в компетенцию поместно-вотчинной юрисдикции. Однако правовое положение крепостного крестьянина определялось не только этой последней. Крестьянин был подсуден государству в тех случаях, когда его действия выходили за пределы нарушения поместно-вотчинного режима и могли угрожать государству, церкви, феодальной собственности и жизни феодалов. Касаясь данной стороны дела, нам придется выйти за рамки одной Расправы и решать эти вопросы на материале ряда глав нового Уложения, рассмотренных Палатой, и прежде всего на основании I, X, XII, XV, XX, XXI и некоторых других глав. К сожалению, сохранность большинства из них настолько плоха и случайна, что по затронутой нами теме представляется возможным привлечь лишь немногие материалы некоторых глав. Но и этого достаточно для того, чтобы раздвинуть горизонт наблюдений, сделанных при изучении Расправы как основного документа по крестьянскому вопросу в фонде Палаты об Уложении. Выше уже предпринято попутное

¹²⁹ ПСЗ, III, № 1370.

привлечение материалов X, XV и XX глав, характеризующих отношение Палаты к выступлениям крестьян против собственности и жизни феодалов.

Сейчас мы продолжим наблюдения над другими сторонами правового положения крепостного крестьянства, как оно рисуется на основе некоторых других материалов Палаты об Уложении.

Палата, идя по пути усиления владельческих прав помещиков и вотчинников, вместе с тем сохранила ряд норм прежнего законодательства, в которых крестьянин рассматривался формально равным феодалу перед законом. Этим Палата еще более обострила противоречия в правовом положении крестьян. Но, с другой стороны, ею же предприняты шаги к изменению ряда общих для феодалов и крестьян норм Уложения 1649 г. Такие действия были не чем иным, как попыткой направить закон преимущественно против крестьянства. Во второй половине XVII в. продолжал действовать ранее сложившийся закон, по которому принимались доносы (изветы) крестьян и холопов на своих господ. Частным случаем этого права была ст. 47 XXI главы Уложения. Она требовала ареста и следствия по делу тех дворян и их людей и крестьян, на которых поступал донос в разбое. Если в ходе следствия «доведется до пытки», то прежде пытать холопов, дворников и крестьян, а затем уже, если холопы и крестьяне подтвердят причастность к разбою своих господ, пытать самих дворян. Рассмотрев ст. 47 XXI главы Уложения 1649 г., Палата сделала весьма существенное добавление к ней, дающее возможность оправдаться помещику и отвести от себя обвинения: «В Полате говорили быть по сим статьям да пополнить: будет люди или дворники учнут на них говорить, а тот помещик учнет бить челом о обыску, и про них сыскивать, а будет в сыску ево одобрят и его свободить, а выть взять из животов тех людей, которые на них говорили».¹³⁰ Вместе с тем Палата, утвердив ст. 173 X главы Уложения, требовавшую «в обыску или допросе... боярских людей или крестьян... во всяких делах допрашивать по государеву крестному целованию», оставляла в силе юридическое значение показаний крестьян на следствии и суде, сделанных под присягой и с применением крестного целования.

Однако в делах по материальным искам Палата значительно расширила применение присяги и крестного целования в отношении крестьян, выделив их в этом смысле от других социальных групп общества. В статьях XIV главы «О крестном целовании» Уложения 1649 г. никаких особых условий применения

¹³⁰ ЦГИАЛ, ф. 1255, № 6, гл. XXI, л. 14—14 об.

присяги и крестного целования в отношении крестьян не оговорено. Тем же оставалось положение в законодательстве второй половины XVII в. В материалах Палаты по XIV главе имеется запись, видимо, воспроизводящая одну из новоуказных статей: «А которые люди к кому приставят в небольших исках в рубле или меньше рубля, и тем давать в ыску их жеребей. А кто учнет искати больши рубля, и в том иску давати крестное целование».

Рассмотрев эту запись, Палата приговорила: «В Полоте говорили: жеребью быть в пяти рублях, опричь пахотных крестьян. А буде хто учнет искать больши пяти рублей, и в том чинить вера. А пахотным крестьяном в их исках всяких чинов с людьми в рубле и меньше о жеребью, а больши рубля о вере чинить указ по Уложению».¹³¹

Увеличивая пределы применения жеребьевки по денежным искам с 1 до 5 руб. в отношении всех лиц, кроме пахотных крестьян, Палата оставила для последних неизменным правило, отправляясь от которого она приняла свое решение. Крестное целование было заключительным и вместе с тем решающим звеном в следственном и судебном процессе феодального государства. Оно применялось лишь при сложных и запутанных обстоятельствах. Уложение 1649 г. тщательно регламентировало условия применения крестоцелования, устанавливая особые дни и часы его применения. Нарушение клятвы влекло за собой усиленную ответственность. Все это делает очевидным, что узаконение клятвы под крестом в отношении крестьян в делах даже по мелким искам было не чем иным, как попыткой усилить моральное и идеологическое воздействие на крепостное крестьянство.

В неизменном виде оставлена Палатой шкала уплаты за увечье и бесчестье, предусмотренная ст. 94 X главы Уложения. Как и прежде, за увечье черносошных и дворцовых крестьян пени в пользу пострадавшего были определены в размере 10 руб., а «за бой и бесчестье» — 2 руб. «А деловым людем и монастырским и помещиковым и вотчинниковым крестьяном и бобылем за бесчестье и за увечье учинити указ против государевых дворцовых сел и крестьян».¹³² Другое дело, если крестьянин убит. В таком случае феодальное право брало под защиту не «честь» убитого, а материальный интерес помещика и вотчинника, потерявших крестьянина. Статьи 69 и 73 XXI главы Уложения в случае непредумышленного убийства (в драке, под пьяную руку) холопом или крестьянином одного феодала холопа или крестьянина другого феодала требовали передачи убившего

¹³¹ Там же, гл. XIV, ч. 1, л. 7 об.

¹³² Там же, «Рассуждения бояр о суде», гл. X, л. 267.

с семьей и имуществом тому, кто потерял работника. В случае отказа принять крестьянина-убийцу на том основании, что «убийца ведомой вор», ст. 73 допускала замену его другим крестьянином с семьею по усмотрению и челобитью «пострадавшего» помещика или вотчинника. В случае отказа на том же основании принять холопа ст. 70 устанавливала денежную компенсацию в размере 50 руб., которые взимались с хозяина холопа-убийцы.

В черновых материалах XXI главы, содержащихся в фонде Палаты в разрозненном и далеко не полном виде, имеется статья, которая редакционно не совпадает ни с одной из статей XXI главы Уложения, но по ситуации, предусмотренной в ней, близка к статьям, указанным выше. Согласно этой статье, если посадский человек, дворцовый крестьянин или ямщик убьет чьего-либо холопа или крестьянина или, наоборот, крестьянин убьет посадского человека или дворцового крестьянина, то, в случае если убийство будет «без умысла», за убитого платить 50 руб.

Таким образом, из меры альтернативной (в случае отказа принять убийцу) и имеющей отношение только к убийству, совершенному холопом, пени в 50 руб. должны были по смыслу новой статьи стать мерой обязательной и всеобщей. В этом шаге могли получить отражение возросшее значение денег в связи с развитием рынка и усиление практики продажи крепостных, что делало оплату личности крепостного денежным способом куда более привычной, чем компенсацию «натурой». Палата, однако, сочла необходимым сделать к указанной статье добавление: «В Полате говорили быть по сей статье да пополнить: будет которому убийцу денег платить нечим, и таково убийцу з женою и з детьми, которые живут с ним вместе, а не в розделе, отдать вместо убитого».¹³³ В таком контексте закон приобретал новый социальный смысл: состоятельная часть посада и крестьянства в случае совершенного непредумышленного убийства получала легальную возможность оплатить свою вину денежно и тем самым сохранить свободу, либо, если иметь в виду зависимого человека, свое положение в неизменном виде. Однако беднейшую часть посада и черносошного крестьянства ожидало другое — переход в кабальное и крепостное состояние, если убитый «без умысла» крестьянин или холоп принадлежал помещику или вотчиннику. Допуская переход убившего крестьянина к хозяину убитого как форму компенсации за потерю работника в случае невозможности заплатить деньгами, Палата тем не менее ограничивала предоставленное прежним законом право выбора другого крестьянина в случае отказа принять

¹³³ Там же, гл. XXI, л. 129 об.

убийцу. В этом плане представляет интерес редакционная правка текста ст. 73 XXI главы Уложения. Как указано выше, эта статья допускала передачу истцу взамен убитого его крестьянина, в случае нежелания взять убийцу, другого лучшего крестьянина из вотчин и поместий тех владельцев, которым принадлежал убийца. В эту часть текста статьи Палата внесла поправку: «А учнет бить челом (истец, — А. М.), чтоб вместо того убийцы отдать ему лучшего крестьянина и в том ему отказать потому, что в том убийстве он (лучший крестьянин, — А. М.) не виновен. А о убийце, что ему (истцу, — А. М.) он не надобен, взять сказку».¹³⁴

Такое решение, видимо, связано со стремлением Палаты усиливать значение крестьянской крепости и ограничить возможности передвижения и перебросок крепостного населения. Вместе с тем Палата заметно расширяла розыск по делам об убийствах. Как видно из другой статьи того же чернового фрагмента новой XXI главы, в задачу такого розыска ставилось выведать, не по чьему-либо наущенью и не в союзе ли с кем действовал убийца.¹³⁵ Словом, Палата заостряла политическую задачу сыска, ставя перед ним цель выявления коллективных и организованных выступлений крестьянства.

Правовое положение определенных групп крестьянства было затронуту Палатой при рассмотрении вопроса о разграничении церковного и светского суда. Палата оставила без рассмотрения XII главу Уложения 1649 г. «О суде патриарших приказных и дворовых всяких людей и крестьян», по которой эти люди подлежали суду «на Патриаршем дворе», и выработала вместо нее, но применительно к ней, собственные статьи. Согласно первой из этих статей духовные лица и церковнослужители, включая сторожей, подлежали церковному суду. Светские же лица церковного ведомства, согласно ст. 2, подлежали ведению светского суда: «Патриарших и архиерейских детей боярских и приказных людей и крестьян и бобылей, которые за монастыри и за церквами и за домовыми и за приказными их людьми, крестьян де и бобылей судить во всяких же делах в грацких приказах грацким же судьям».¹³⁶

Палата приняла этот приговор в переломный момент, когда правительством Петра I решался вопрос не только о компетенции церковного суда, но и о церковном управлении в целом. В 1700 г. был упразднен Патриарший разряд. В 1701 г. восстановлен Монастырский приказ. Указом 1701 г. предписыва-

¹³⁴ Там же, л. 157.

¹³⁵ Там же, л. 129 об.

¹³⁶ Там же, № 6 (2), гл. XII, л. 3 об.

лось «на патриарших и архиерейских домовых людей и на крестьян во всяких делах и исках бить челом и челобитные приносить всяких чинов людям в Монастырском приказе».

В другом указе был сделан новый шаг в сторону подчинения церкви органам государственной власти. Указ обязывал «домовых дел стряпчим в домовых делах о управе на всяких чинов людей бить челом и самим отвечать в одном дворцовом Судном приказе».¹³⁷

Учитывая эти решения и конкретизируя прежний свой приговор о подсудности светских лиц церковного ведомства, в том числе крестьян, «грацким приказам и грацким судьям», Палата приняла новое решение: «В Полате говорили: на патриарших стряпчих и на домовых всяких чинов людей и на крестьян челобитчиком всяких чинов людям во всяких исках бить челом великому государю о росправе в одном дворцовом Судном приказе. А им, патриаршим стряпчим и домовым людям и крестьяном, в своих исках бить челом на посторонних всяких чинов людей в тех приказах, где кто в котором приказе росправою вedom».¹³⁸

Принятые Палатой новые статьи о разграничении церковного и светского суда, непосредственно отражая текущие мероприятия правительства, делали заметный шаг в сторону унификации правового положения различных групп крестьянства.

Важный материал для понимания крестьянского вопроса в конце XVII в. содержит результат переработки в Палате I главы Уложения 1649 г. «О богохульниках и о церковных мятежниках». В фонде Палаты сохранился, видимо, первый проект I главы в том виде, как он сложился уже 8 марта 1700 г. в ходе первого чтения главы в Палате.¹³⁹ I глава Уложения 1649 г. претерпела наибольшие изменения и дополнения в ходе ее рассмотрения в Палате. Если в I главе старого Уложения насчитывалось 9 статей, то в проекте новой главы — 25 статей. М. М. Богословский отметил, что в проект вошло 6 прежних статей главы, 12 статей из новоуказных статей о раскольниках и 7 статей образовано из самостоятельных приговоров Палаты.¹⁴⁰ Кроме того, в других 7 статьях приговоры Палаты дополняют новоуказные статьи. Соответственно новому составу проекта I главы изменился ее предмет. Если в первой

¹³⁷ Там же, лл. 3 об.—4.—Дата указа не обозначена. Указ дан из дворцового Судного приказа.

¹³⁸ Там же, л. 4.

¹³⁹ Там же, № 6 (13), гл. I.—Проект напечатан М. М. Богословским (ук. соч., стр. 226—238). I глава прошла три чтения в Палате: первое чтение 1, 4, 6, 7, 8, 11 и 13 марта 1700 г., второе 13 и 15 октября 1701 г. и третье 24 октября наряду с шестью следующими главами.

¹⁴⁰ М. М. Богословский, ук. соч., стр. 225.

главе Уложения 1649 г. под защиту брались святыни церкви и церковнослужители от словесных и иных оскорблений, наносимых мирскими людьми, то основное содержание новой главы составила борьба с расколом, т. е. новым вероучением, противным официальной церкви. Острие главы направлено прежде всего против активных деятелей раскола, его вождей, против раскольнического духовенства. Но есть статьи, которые предусматривали меры воздействия на рядовых участников раскола. Известно, что раскол был проявлением социального протеста низов против феодального гнета в присущей средневековой религиозной оболочке. Раскол получил наибольшее распространение в последней четверти XVII в., после подавления восстания Степана Разина, охватив значительные слои крестьянства.

Этим объясняется, что проект I главы отличается прежде всего определенной социальной, классовой направленностью. В нем есть ст. 6, которая предусматривает массового рядового участника раскола — крестьянство: «которые раскольщики от неразумия или в малых летах стоят в упрямстве только в новоисправных книгах, что будто переменено или в крестном знамени или во исусове молитве, и таким чинить наказанье, бить кнутом и давать на поруки — дворцовых сел крестьян тех же сел прикащиком и крестьяном, а монастырским в монастыри властям, а помещиковых и вотчинниковых помещиком и вотчинником, и для научения отцем духовным, и смотреть за ними пятидесятским и десятским и соседям, чтоб они впредь так не чинили и к церкви божии приходили и учения от отца своего духовного слушали и с раскольщики не знались и в дома свои их не пускали. А буде впредь те ж раскольщики объявятся в такой же злобе и на них извещать, а по изветом чинить, чего доведется».¹⁴¹

Таким образом, в борьбе с расколом в крестьянстве законодательство, вырабатываемое Палатой, ставило целью повысить роль и ответственность владельцев крепостных крестьян — вотчинников, помещиков, монастырей и чинов местного самоуправления. Повышение ответственности феодалов за «состояние умов» крепостного крестьянства неизбежно влекло за собой расширение их прав и в данной области. Вотчинник и помещик наряду с «духовным отцем» становился властелином ума, души и совести крестьянина. Беря на себя функцию защиты официальной церкви перед лицом выступивших против нее широких крестьянских масс, законодательная власть ставила тем самым закон на службу охраны неприкосновенности и безопасности крепостнического государства и

¹⁴¹ Там же, стр. 231.

крепостного права, в развитии и укреплении которого были крепко заинтересованы широкие круги дворянства.

Подведем итоги. Основным результатом деятельности Палаты об Уложении 1700 г. в области крестьянского вопроса была выработанная ею новая XI глава, которая здесь для краткости названа Расправой.

Источниками Расправы служили:

а) XI глава Уложения 1649 г. Из 34 статей этой главы Палатой использовано 29 статей, из которых 27 статей полностью и две статьи (4 и 10) с частичным изъятием текста. Пять статей (ст. ст. 20, 21, 27, 30 и 31) Палата отклонила, как непригодные по содержанию.

б) Наказ сыщикам от 2 марта 1683 г. Из 52 статей Наказа использовано полностью или частично 13 статей (ст. ст. 1—5, 12, 18, 19, 25, 32, 33, 34, 42).¹⁴² Наказ сыщикам рассматривался Палатой как сводка предшествующего (до начала 1683 г.) законодательства о крестьянской крепости. Поэтому в Расправе почти не использованы указы третьей четверти XVII в.

в) Статьи о беглых в писцовых наказах 80-х годов XVII в.

г) Указы преимущественно последней четверти XVII в., в том числе указы и статьи о сыске беглых людей и крестьян в городах Севского и Белгородского полков, а также Смоленского и прилегающих к нему уездов, не исключающая указов 50—70-х годов, поскольку сыск в указанных местах не получил полного отражения в Наказе сыщикам 1683 г.

д) Приговоры самой Палаты (всего 26 приговоров, входящих в состав 26 статей XI главы). Если же принять во внимание, что Палата во втором и третьем чтениях XI главы принимала приговоры, дополнявшие приговоры предшествующих чтений по тем же вопросам, то общее число приговоров Палаты будет значительно больше.

Таким образом, Палата не ограничилась составлением сводного текста нового Уложения из статей Уложения 1649 г. и последующих указов, как было предписано ей указом 18 февраля 1700 г., а встала на путь самостоятельного законодательного творчества.

Можно дать следующую картину распределения статей Расправы по источникам и составу (см. таблицу).

Таблица прежде всего дает представление о том, что XI глава Уложения 1649 г. хотя и использована в Расправе в значитель-

¹⁴² Здесь количество и номера статей указаны по списку Наказа в ПСЗ (II, № 998). В списке Наказа, использованном Палатой, значится 61 статья, из которых 59 статей соответствуют 52 статьям Наказа по ПСЗ, а ст. ст. 60 и 61 являются дополнением. Обе последние статьи в Расправе не использованы.

Статей XI главы Уложения самостоятельно без добавле- ний	Статей XI главы Уложения с добавлениями				Статей из Наказа сыщикам 1683 г. самостоятельно без добавлений	Статей из Наказа сыщикам 1683 г. с добавлениями от Палаты	Статей из Наказов сыщикам и писцам	Статей из указов второй половины XVII в. без добав- лений	Статей из указов второй половины XVII в. с добавле- ниями от Палаты	Статей, состоящих из при- говоров Палаты	Итого статей
	из Наказа сыщикам 1683 г.	из Наказа сыщикам 1683 г. и от Палаты	из Наказа писцам 1683 г.	от Палаты							
13	1	3	1	11	3	2	1	3	6	4	48

ной своей части (29 статей из 34), претерпела все же большие изменения. Лишь 13 статей (38%) оказались пригодными в том виде, как они были в Уложении 1649 г., и не потребовали существенных изменений и дополнений. Около половины статей (16 из 34) не могли удовлетворить Палату в полной мере, и к ним Палата сделала добавления — к 5 статьям из Наказа сыщикам 1683 г. и собственные приговоры, а к 11 — свои приговоры. 5 статей (15%) были отставлены Палатой полностью.

Другой вывод из таблицы говорит о мозаичности состава Расправы. Впечатление о мозаичности усиливается, если учесть, что 48 статей Расправы включают в себя 94 составные части (заимствования из предшествующего законодательства и приговоры Палаты).

Перед нами, однако, не механическое соединение отрывков из текста законов, а органическое, внутренне спаянное изложение каждой статьи, пронизанное общей мыслью.

Созданию нового законодательного памятника в значительной мере способствовали сложные приемы редакционной работы, примененные составителями Расправы. Эти приемы сводились, во-первых, к подновлению текста использованных законодательных памятников второй половины XVII в., т. е. к приспособлению их к условиям времени рубежа XVIII столетия, и, во-вторых, в ряде случаев к сокращению и упрощению их редакции.

Этот критический и творческий подход Палаты к законодательному наследию получил логическое завершение в собственном ее законодательном творчестве, составившем значительное число приговоров, принятых в связи и по поводу рассматриваемых ею материалов. Назначением приговоров Палаты было развитие и дополнение норм прошлого законодательства. Таким образом, формулирование новых законов было третьим, важней-

шим по значению, приемом творческой редакционной работы Палаты.

Поражающее вдумчивостью и обстоятельностью применение этих приемов в ходе трехкратного рассмотрения XI главы Уложения 1649 г. и новоуказных статей привело к созданию нового законодательного памятника, имеющего свой особый заголовок и свое членение на статьи. В таком своем виде Расправа отражает высокий уровень юридической мысли и законодательства рубежа XVII и XVIII столетий.

То обстоятельство, что Расправа является проектом и не была действующим сводом законов по крестьянскому вопросу не лишает ее значения как крупного памятника по истории законодательной мысли. Таковым она является прежде всего в той части, которая относится к приговорам самой Палаты. Но значение Расправы не только в этом. Она бесспорно может быть использована как крупный памятник для изучения объективной картины состояния крестьянского вопроса, положения крестьян, крепостнической политики правительства, словом для изучения развития и состояния крепостного права в конце XVII в.

Особенностью документального материала по истории крестьянства второй половины XVII в. является отсутствие, если не считать Наказа сыщикам 1683 г., сводного законодательного памятника по крестьянскому вопросу. Расправа является как раз таким документом, включающим наряду с известными нам указами и такие, которые нам не известны, хотя в свое время они были действующими указами. Изучение новой XI главы бесспорно дает богатый материал для ответа на вопрос, как далеко шагнуло крепостное право в своем развитии от Уложения 1649 г. до первых лет петровского царствования. В этом смысле Расправа подводит итог второй половине XVII в.

Основным вопросом Расправы, как и предшествующего законодательства, является вопрос о борьбе с побегам крестьян и урегулирование отношений в лагере крепостников как раз в вопросе о принадлежности беглых крестьян и холопов. Подводя правовую основу под урегулирование этих отношений в условиях конца XVII в., Палата сделала большой шаг на пути укрепления системы крепостного права в целом.

Являясь целиком крепостническим документом, упрочивающим, развивающим, регулирующим и охраняющим права крепостников на их крестьян, Расправа как бы имеет своим девизом слова, содержащиеся в приговоре Палаты, составившем содержание ее 42-й статьи: «...всякой помещик и вотчинник при владенье своем в людех и во крестьянех и в бобылях волен».